

ОГОНЁК
№ 8 ФЕВРАЛЬ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ЛАЭС строится.

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 8 (2329)

Основан 1 апреля 1923 года

19 ФЕВРАЛЯ 1972

ЛЕНИНГРАДСКАЯ АТОМНАЯ

«Предусмотреть значительное развитие атомной энергетики путем строительства крупных электростанций с установкой реакторов единичной мощностью 1 млн. киловатт и выше».

Из Директив XXIV съезда КПСС.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ,
Константин ЧЕРЕВКОВ
Фото Г. КОПОСОВА.
Специальные корреспонденты «Огонька»

«Вы приехали слишком рано, вот через годик-два...»

Как часто нам, журналистам, говорят эти слова. Услышали мы их и на Ленинградской атомной станции, которая строится на живописном берегу Финского залива. Но мы не согласились, что приехали рано. Слов нет, приятно увидеть уже построенное здание, сверкающие чистотой помещения, сложные приборы и пульты управления, операторов в белых халатах. Но гораздо интереснее побывать здесь в самый разгар строительства, когда еще сверкают огни электросварки, на тоненьких мостках трудятся монтажники, бетон-

ЕДИНСТВО ВЗГЛЯДОВ

По приглашению ЦК КПСС с 11 по 14 февраля в Советском Союзе с неофициальным дружеским визитом находился Первый секретарь ЦК ВСРП тов. Янош Кадар.

Во время пребывания в Москве тов. Я. Кадар имел встречи и беседы с Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. Л. И. Брежневым.

В ходе бесед, проходивших в атмосфере сердечной дружбы и полного взаимопонимания, товарищи Л. И. Брежнев и Я. Кадар проинформировали друг друга о достижениях в коммунистическом и социалистическом строительстве в СССР и ВНР, обсудили вопросы дальнейшего развития советско-венгерских отношений.

Достигнута договоренность о том, что в 1972 году в соответствии с приглашением ЦК ВСРП и Совета Министров ВНР состоится визит советской партийно-правительственной делегации в Венгерскую Народную Республику.

Встреча товарищей Л. И. Брежнева и Я. Кадара вновь подтвердила полное единство взглядов КПСС и ВСРП по всем обсуждавшимся вопросам.

На снимке: проводы на Внуковском аэродроме.

Фото А. Устинова.

щики, каменщики. А в самом здании идет монтаж атомного реактора.

Мы стоим на деревянных мостках где-то под самым потолком огромного здания. Отсюда фигуры людей, работающих на монтаже реактора, кажутся совсем маленькими, а сама установка напоминает гигантский круглый оргàн.

Заместитель директора коммунист Иван Григорьевич Солдатов, водит нас по строительству, знакомит с инженерами и рабочими, рассказывает о станции.

Здесь, на Ленинградской атомной, все впервые. Это первая АЭС нового типа, некий рождающийся в муках творчества эталон, по которому будут строить подобные станции. Начнем с ее сердца — атомного реактора. Электрическая мощность его огромна — один миллион киловатт. Конструкция уникальна. Чтобы обеспечить большую надежность в работе, реактор как бы набран из 1 700 технологических каналов. Даже если один из них выйдет из строя (что не должно случиться), остальные будут продолжать работать, станция по-прежнему выдаст электроэнергию.

Экономичность АЭС определяют конструкторские, научные и инженерные решения. Взять хотя бы так называемую разгрузо-загрузочную машину. Не останавливая реактор, она извлечет отработанные тепловыделяющие элементы и поставит новые. При чем здесь экономика? Дело в том, что эта операция производится автоматически, на ходу, без снижения мощности реактора, его не надо останавливать, когда топливо выгорит, чтобы загрузить вновь. Ну, а кроме того, подобное устройство обеспечивает более глубокое выгорание. Отсюда экономический эффект, как следствие смелого технического решения.

В реакторном отделении установлены уникальные насосы, каких еще не приходилось создавать нашей промышленности. Высота одного насоса равна четырехэтажному дому.

Полная мощность насосной станции около четырехсот тысяч кубометров воды в час, больше, чем проходит за это же время в полноводной реке.

Машинный зал. Идет монтаж турбины.

Турбина — харьковская, генератор — с ленинградского завода «Электросила». Сотни заводов и предприятий поставляют оборудование для Ленинградской атомной. От их бесперебойной работы, их внимания зависят сроки пуска станции. Создание ЛАЭС вызвало к жизни целые новые производства, заставив металлургов создавать материалы повышенного качества, работающие в очень сложных условиях облучения и коррозии, искать и находить новую технологию сварки, плавки, очистки редких металлов. Таким образом, собирая для себя все лучшее, являясь, если можно так сказать, венцом научного и технического потенциала страны, ЛАЭС в то же время стала и мощным ускорителем прогресса.

Монтаж турбины, ее доводка — творчество. Ведь пока турбина такой конструкции единственная в Союзе. Знакомимся с бригадиром Алексеем Ивановичем Козловским. Не одну турбину пустил этот рабочий высокой квалификации. На многих атомных электростанциях собирал турбины, и сюда, в Ленинград, он приехал вместе со своей бригадой. На Ленинградской атомной он с самого начала...

— Что же вы тут делали с самого начала?— удивляемся мы.— Ведь монтаж турбины начался совсем недавно.

Козловский смеется.

— Да у ребят из нашей бригады двадцать специальностей. Все умеем делать.

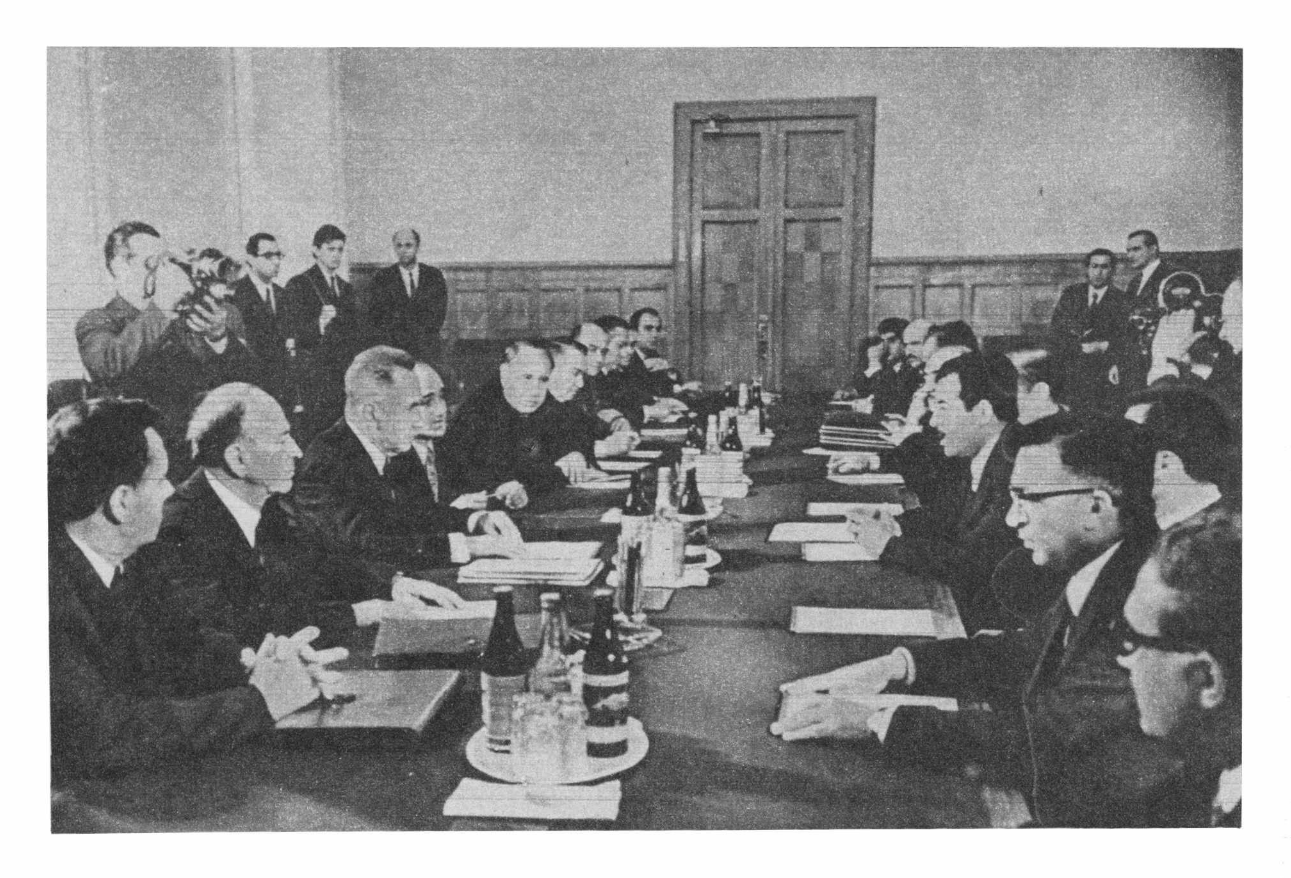
Кто-то из рабочих окликает Алексея Ивановича, он просит извинить его и оставляет нас: «Сейчас у турбинщиков горячая пора».

А мы поднимаемся на отметку семь с половиной, как говорят тут строители, в залы, где будет находиться мозг станции — электронное оборудование, система управления и централизованного контроля.

Такая система тоже разработана впервые. Электронно-вычислительная машина будет получать информацию от пяти тысяч точек. Оператор, находясь у пульта, следит за всем, что происходит в недрах установки, знает, как работает реактор, в порядке ли конденсаторы, как дела с энергетическим хозяйством станции. В этом первая задача системы — рассказать оператору о том, что, где и как делается. Но есть еще и вторая важная обязанность мозга станции — следить за безопасностью работ на реакторе, рассчитывать и предупреждать оператора о малейших отклонениях технологического процесса. И, что тоже очень интересно, все показания приборов и советы операторам будут выдаваться машиной не только в виде цифр, но и наглядно, как на телевизионном экране, в виде графика, рисунка, просто текста.

Выходим на строительную площадку. Темнеет. Летят хлопья снега. Изморозь посеребрила высокое легкое здание атомной станции. Стопятидесятиметровая труба, похожая по очертаниям на Останкинскую телебашню, пронзает низкое небо. Вспоминается, как заместитель начальника отдела техники безопасности Анатолий Иванович Тарасов рассказывал нам о том, что проектом предусмотрено полное исключение попадания каких-либо веществ в воздух и воду Финского залива. Надежная конструкция, постоянный и жесткий контроль, чувствительные приборы, сложные фильтры...

Неожиданно яркий свет заливает строительную площадку. Вспыхивают мощные ксеноновые лампы. Это зажглась «вечерняя иллюминация». Работа не прекращается и ночью...

ДРУЖБА И ВЗАИМОПОНИМАНИЕ

11 февраля в Кремле начались переговоры с прибывшей в Советский Союз по приглашению ЦК КПСС и Советского правительства партийно-правительственной делегацией Иракской Республики во главе с заместителем Генерального секретаря Регионального руководства Партии арабского социалистического возрождения (Баас) Ирака, заместителем председателя Совета революционного командования Иракской Республики Саддамом Хусейном.

С советской стороны в переговорах принимали участие — член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев и другие официальные лица.

В ходе переговоров, проходивших в обстановке дружбы и взаимопонимания, были рассмотрены вопросы советско-иракских отношений. Состоялся также обмен мнениями по вопросам положения на Ближнем Востоке, сложившегося в результате империалистической агрессии Израиля против арабских стран, а также по другим вопросам.

15 февраля Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев встретился с главой партийно-правительственной делегации Иракской Республики, заместителем Генерального секретаря Регионального руководства Партии арабского социалистического возрождения (Баас) Ирака, заместителем председателя Совета революционного командования Иракской Республики Саддамом Хусейном.

В ходе встречи, проходившей в откровенной, дружеской обстановке, были обсуждены вопросы дальнейшего развития отношений дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Иракской Республикой. Были рассмотрены также вопросы укрепления дружеских связей между Коммунистическим Союза партией Советского Союза и Партией арабского социалистического возрождения Ирака.

На снимке: советско-иракские переговоры.

---

50 ЛЕТ СО ДНЯ РАЗГРОМА БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ ПОД ВОЛОЧАЕВКОЙ.

НЕ ПОМЕРКНЕТ НИКОГДА

К. А. Пролесковский.

Скорый поезд Москва — Владивосток мчится навстречу солнцу. Проносятся мимо вагонных окон заснеженные поля.

«Товарищи пассажиры, внимание! Через несколько минут слева по ходу поезда вы увидите Волочаевскую сопку»,— объявляет диктор поездного радиоузла.

...Первые месяцы двадцать второго года. Молодая Советская Россия уже изгнала иностранных интервентов, разгромила белогвардейцев. И только на Дальнем Востоке под прикрытием японских штыков еще хозяйничали остатки белых армий Колчака, Семенова, Каппеля. Волочаевка была для них главным оплотом, на несколько километров от железной дороги тянулись проволочные заграждения, блиндажи, пулеметные точки. Бойцам народно-революционной армии выпала доля очистить дальневосточную землю от белогвардейцев и взять сопку, опоясанную несколькими рядами колючей проволоки, сопку, покрытую ледяной коркой и считавшуюся неприступной.

«Большевикам на Дальний Восток не пройти» — так писала в двадцать втором одна иностранная газета.

На рассвете 10 февраля 1922 года части народно-революционной армии совместно с партизанскими отрядами начали штурм Волочаевских укреплений. А через двое суток над сопкой взметнулось красное знамя победы. Прославленный полководец главнокомандующий НРА В. К. Блюхер потом напишет в своем приказе: «Под Волочаевкой, как и под Перекопом, Революционная армия показала величайшие образцы героизма, преданности нашей партии и делу пролетарской революции. Волочаевская эпопея показала всему миру, как умеют драться люди, желающие быть свободными...»

...Прошло пятьдесят лет. Я поднимаюсь по склону Волочаевской сопки. Точно часовые в почетном карауле, застыли деревья, охраняя братские могилы воинов. На вершине сопки — два солдата: один высечен из камня, он будет вечно стоять, как символ героизма. Второй — живой участник тех событий Константин Антонович Пролесковский — командир взвода особого Амурского полка. Волочаевка для бывшего комвзвода и живая история и его собственная судьба... Он как бы заново переживает былое. Встают перед глазами легендарные комиссары и командиры, встают тысячи бойцов...

В память солдат, погибших на этой сопке, названы их именами дальневосточные поселки, районы, улицы, города и села. На вершине сопки — музей, в нем собраны драгоценные реликвии тех дней: оружие, документы, личные вещи героев. Подолгу стоят экскурсанты у панорамы Волочаевской битвы. Здесь, на сопке, в торжественной обстановке принимают детей в пионеры. Здесь вручают комсомольские билеты. Здесь дальневосточники, уходя в армию, дают клятву верно служить народу.

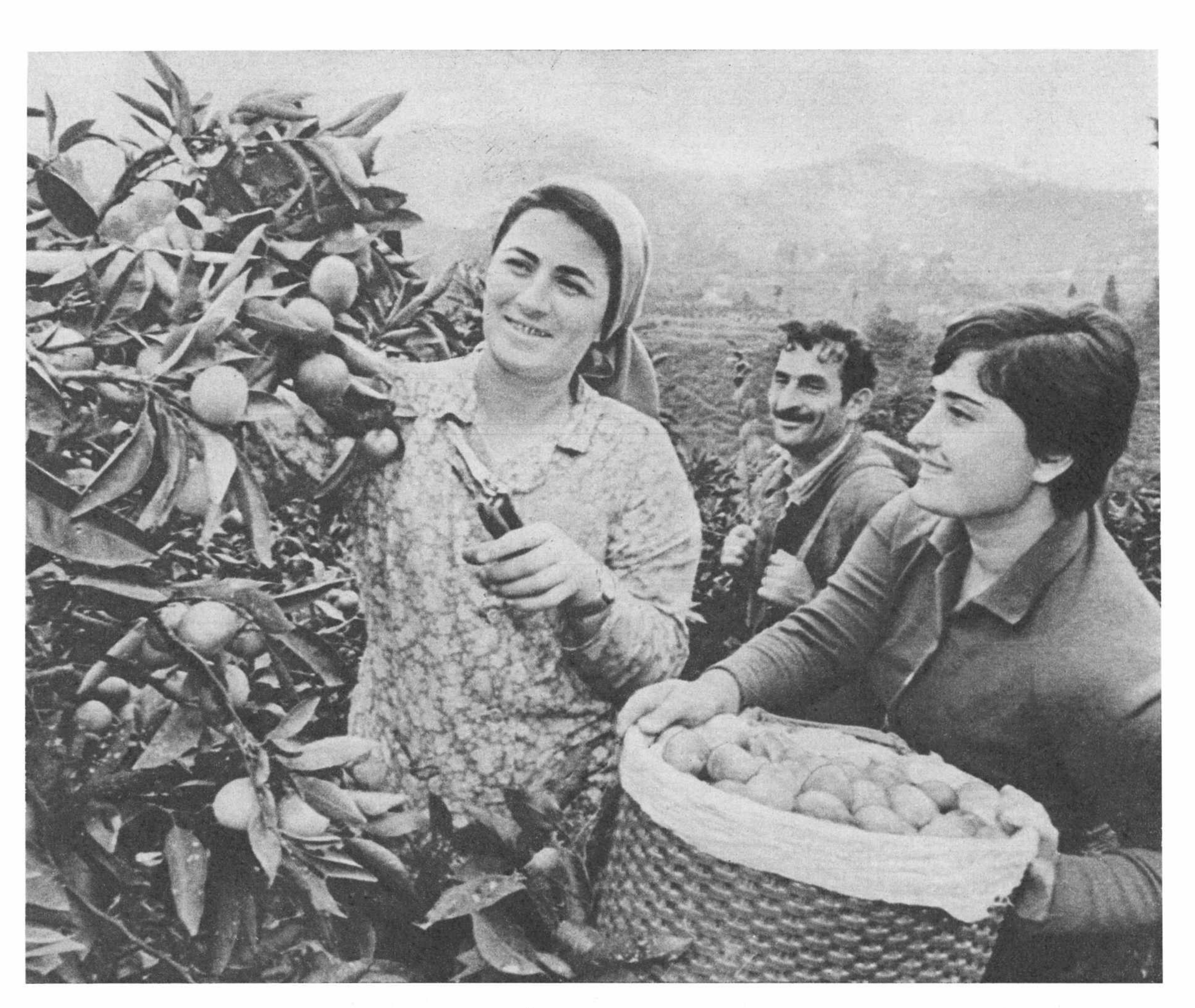
Волочаевка. Частица нашей Родины... Люди этой земли унаследовали от отцов и дедов героизм и страсть борцов. Три поколения прошло с той поры. Выросли тут новые заводы и школы, в которых работают и учатся новые люди — смена тех, кто отстоял эту сопку. Посмотришь с вершины ее на быстро идущие поезда, на белые, сверкающие стеклом корпуса современной высокомеханизированной птицефабрики, носящей название Партизанская. По соседству привольно раскинулись угодья Волочаевского совхоза.

А на вершине сопки застыл каменный солдат с высоко поднятой винтовкой. И будет стоять здесь вечно.

В. КУЗНЕЦОВ
Собкор «Огонька»

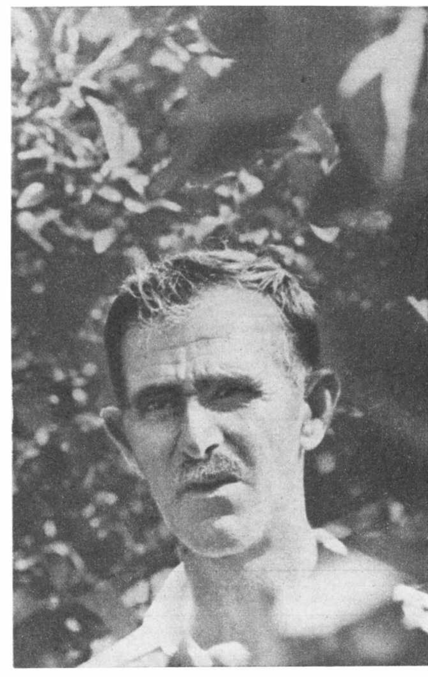
СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

КОММЕНТАРИЙ К БИОГРАФИИ

Золотыми плодами благодарит людей отвоеванная у болот земля Колхиды.

Фото Н. Анастасьева (ТАСС).

Герой Социалистического Труда Дурсун Бакурадзе.

В газете «Правда» за 1928 год 29 июля в разделе «Отовсюду» была опубликована информация, в которой есть такая строка: «В Аджаристане начата подготовка к осушке Гонийских, Чорохских и Кобулетских болот...»

Эту строку комментирует собкор «Огонька» ИЯ МЕСХИ.

САДЫ У МОРЯ

Мандариновые деревья требуют к себе хорошего отношения. Они не выносят тесноты и не щедры без хорошей подкормки. Сто килограммов естественной подкормки на одно дерево, и, исполненное благодарности, оно увешивается к осени оранжевыми фонарями.

Давным-давно эта местность попала под власть болот и топей, стала забытой, заброшенной. Для того, чтобы вернуть ей плодородие, прежде всего надо было ликвидировать болота. Земля Гонио, часть Колхиды, стала и частью большой проблемы осушения, за которую взялись коммунисты Грузии, Советского Аджаристана. И сейчас в Гонио, у самого Черного моря, на осушенных землях поднялись сады, в которых под горячим солнцем зреют мандарины, апельсины, лимоны. Стройными рядами деревья поднимаются на прибрежные холмы, спускаются к самому синему морю.

Сейчас здесь, на месте заболоченной дельты реки Чорохи, расположились сельскохозяйственные угодья Гонийского цитрусового совхоза, который ежегодно поставляет к столу советских людей полтысячи тонн цитрусовых плодов. И тут же, в совхозе, на государственном сортоиспытательном участке, создаются новые селекционные сорта мандаринов, апельсинов, лимонов. А по соседству с совхозом — 40 гектаров мандариновых и апельсиновых садов гонийского колхоза.

Слыханное ли дело, чтобы одно дерево выдавало в сезон семь тысяч штук мандаринов? Такое дерево есть у Дурсуна Бакурадзе. Может быть, оно у него одно-единственное стоит возле дома и Дурсун обихаживает его и лелеет, как родное дитя? Нет. Дурсун Бакурадзе — колхозник, и за ним закреплен целый участок, две сотни таких родных детей. Конечно, не все столь выдающиеся, как это, но в среднем с каждого дерева он снимает по пять тысяч мандаринов. Когда начинается сбор, на его участке все время шумят моторы грузовых машин. И уже никто не кричит: «Где транспорт? Куда запропастились мандариновозы?» Люди знают, что работа кипит на участке Героя Социалистического Труда Дурсуна Бакурадзе.

В Аджарской АССР за годы Советской власти осушено около трех тысяч гектаров заболоченных земель. В результате сложных мелиоративных мероприятий на этой площади возникли насаждения ценнейших технических культур, чая, тунга, цитрусовых. Созданный в годы первых пятилеток Очхамурский чайный совхоз собрал со своих плантаций не менее ста тысяч тонн сортового чайного листа. Представляете, сколько стаканов чая было выпито с этой очхамурской заваркой?! А если б не усилия первых советских мелиораторов, если бы не помощь Советского правительства, братских республик, здесь, как и несколько десятков лет тому назад, стояли бы непроходимые, смрадные болота.

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
КРЫЛОВ
Николай Иванович

9 февраля 1972 года после непродолжительной тяжелой болезни скончался выдающийся военный деятель, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, дважды Герой Советского Союза, Главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения — заместитель министра обороны СССР Маршал Советского Союза Николай Иванович Крылов.

Советский народ и его Вооруженные Силы понесли тяжелую утрату. Ушел от нас талантливый полководец, герой Великой Отечественной войны, отдавший все свои силы и опыт делу защиты Советской Родины, укреплению ее обороноспособности.

Н. И. Крылов родился 29 апреля 1903 года в селе Вишневое Тамалинского района Пензенской области. В 1919 году шестнадцатилетним юношей он добровольно вступил в Красную Армию, и с тех пор вся его жизнь была связана с Советскими Вооруженными Силами, в рядах которых он прошел большой и славный путь от красноармейца до Маршала Советского Союза.

В годы гражданской войны Н. И. Крылов, будучи командиром взвода, роты и батальона, отважно сражался против белогвардейских банд на Северном Кавказе и в Закавказье, участвовал в освобождении Владивостока. В этих боях он был трижды ранен.

В 1927 году Н. И. Крылов вступил в ряды Коммунистической партии и до конца своей жизни верно служил ее великому делу. После окончания в 1928 году курсов «Выстрел» он занимал различные штабные должности в соединениях Особой Краснознаменной Дальневосточной армии.

Великая Отечественная война застала Н. И. Крылова на западной границе. Являясь начальником штаба Приморской армии, он был одним из организаторов героической обороны Одессы и Севастополя. Затем он в Сталинграде в должности начальника штаба 62-й армии участвует в легендарной битве на Волге. После разгрома здесь немецко-фашистских войск Н. И. Крылов успешно командует армией на Западном и 3-м Белорусском фронтах.

В сражениях с немецко-фашистскими захватчиками, а позже в боях против японских милитаристов раскрылись организаторские способности и полководческое искусство Н. И. Крылова.

В послевоенный период он командовал рядом военных округов. В течение последних девяти лет являлся Главнокомандующим Ракетными войсками стратегического назначения — заместителем министра обороны СССР. На этом ответственном посту Н. И. Крылов проявил себя вдумчивым руководителем, требовательным и заботливым начальником, умелым организатором боевого совершенствования подчиненных войск.

Николай Иванович Крылов принимал деятельное участие в общественно-политической жизни страны, неоднократно избирался делегатом съездов КПСС, в состав Центрального Комитета партии, депутатом Верховного Совета СССР. Его замечательные партийные качества, талант организатора, чуткость и внимательность к людям снискали ему любовь и уважение.

Выдающиеся заслуги Н. И. Крылова достойно оценены Советским государством. Он дважды удостоен звания Героя Советского Союза, награжден четырьмя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова I степени, орденом Кутузова I степени и многими медалями. Н. И. Крылов награжден орденами и медалями ряда социалистических стран.

Память о Николае Ивановиче Крылове — верном сыне Коммунистической партии, выдающемся военном деятеле, талантливом полководце, пламенном патриоте нашей Родины навсегда сохранится в сердцах воинов армии и флота, всех советских людей.

Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, Д. А. Кунаев, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, П. Е. Шелест, В. В. Щербицкий, Ю. В. Андропов, П. Н. Демичев, П. М. Машеров, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Б. Н. Пономарев, Г. Ф. Сизов, Л. В. Смирнов, А. А. Гречко, И. И. Якубовский, В. Г. Куликов, А. А. Епишев, С. Л. Соколов, И. Г. Павловский, П. Ф. Батицкий, П. С. Кутахов, С. Г. Горшков, К. С. Москаленко, С. С. Маряхин, А. Н. Комаровский, Н. Н. Алексеев, В. И. Чуйков, И. Х. Баграмян, С. М. Буденный, А. М. Василевский, Ф. И. Голиков, Г. К. Жуков, И. С. Конев, П. К. Кошевой, М. П. Георгадзе, Н. И. Савинкин, И. Д. Сербин, М. Г. Григорьев, П. И. Ефимов, П. А. Горчаков, А. Г. Шевцов.

Краснознаменный зал Центрального Дома Советской Армии. Руководители Коммунистической партии и Советского правительства в почетном карауле у гроба Маршала Советского Союза Н. И. Крылова.

Фото А. Устинова.

СОВЕСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Николай ПАСТУХОВ

Всемирная ассамблея за мир и независимость народов Индокитая проходила в Версальском дворце конгрессов, современном здании, построенном специально для крупных международных конференций. Здесь же, в Версале, находится знаменитый королевский дворец времен Людовика XIV. Вообще семнадцатый век щедро наградил цивилизацию удивительными памятниками зодчества. Засияла тогда во всем своем блеске индийская беломраморная усыпальница Тадж-Махал, в пекинском дворцовом ансамбле появился Тай-хэ-дянь — «павильон высшей гармонии», во вьетнамской провинции Тхайбинь талантливые руки воздвигли храмовый комплекс Кэо.

Примерно через сто лет после появления в Европе и Азии этих величественных творений американский народ в вооруженной революционной борьбе против английских колонизаторов завоевал свободу и независимость, а еще через двести лет где-то неподалеку от Тадж-Махала рвались бомбы, сброшенные с самолетов по приказу уже обанкротившейся пакистанской военной хунты, китайские хунвэйбины осквернили Тай-хэ-дянь, а американцы, забывшие благородные принципы Декларации независимости, варварскими бомбардировками с моря и воздуха превратили в руины храмы Кэо.

Случайное ли это все совпадение? Мне кажется, что сегодня между всеми силами разрушения и подавления установилась какая-то связь, какая-то общность интересов. И, конечно же, также не случайность и то, что в наше время — последнюю треть XX века — века торжества освободительных идей, гуманизма и созидания — окрепло духовное единство подавляющего большинства человечества, совесть которого нашла свое яркое выражение в призывах Версальской ассамблеи.

Еще накануне открытия этого международного представительного форума, в котором приняли участие делегации из 84 стран и представители 31 всемирной организации, американский делегат на парижских переговорах по Вьетнаму Уильям Портер допустил грубый выпад против делегатов Всемирной ассамблеи, назвав их «стадом агитаторов». Более того, американская делегация на этих переговорах, видите ли, в знак протеста против созыва в Версале ассамблеи прервала на неопределенный срок свое участие в парижском совещании, которое безрезультатно проходит вот уже несколько лет на авеню Клебер. Как отмечала газета «Фигаро», видимо, «США стремятся использовать первый попавшийся предлог, чтобы «парализовать» совещание на авеню Клебер на время поездки Никсона в Китай».

И именно сейчас Пентагон усилил бомбардировки территории ДРВ, Южного Вьетнама, а также Лаоса и Камбоджи. Они носят массированный характер и сопровождаются невиданной жестокостью против мирного населения. На головы женщин, детей, стариков падают тонны напалма, дождь шариковых и кассетных бомб, прыгающих на земле мин, ракеты, проникающие в бомбоубежища, подземные госпитали и школы. Совершается невиданная доселе эскалация преступлений, тщательно, иезуитски продуманный геноцид.

Протест людей доброй воли против этого варварства, желание выработать эффективные меры для прекращения американской агрессии привели их во дворец конгрессов Версаля. Среди них находилась представительная делегация американской общественности.

Участники Версальской ассамблеи горячо приветствовали документы недавнего пражского совещания Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора, Заявление Советского правительства, в котором дается справедливая оценка маневров американской дипломатии по индокитайской проблеме, и послание, направленное ассамблее Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым. Все эти документы убедительно свидетельствуют о непреклонной решимости социалистических стран и впредь оказывать необходимую поддержку борющимся народам Вьетнама, Лаоса и Камбоджи.

Всемирная ассамблея за мир и независимость народов Индокитая рассмотрела общую политическую обстановку в Индокитае, сделала выводы о последствиях войны для экономики стран Индокитая, США и всей мировой экономики, обобщила материалы о расследовании военных преступлений интервентов во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже, уделив особое внимание резко усилившемуся в последнее время использованию американскими войсками химического, электронного и прочего новейшего оружия в целях массового уничтожения.

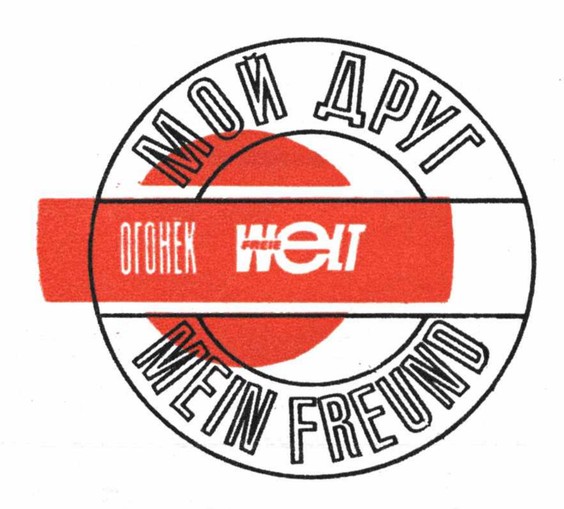
В Призыве ассамблеи содержатся следующие требования: предоставление народам Вьетнама, Лаоса и Камбоджи полного права на мир и свободу в условиях независимости; безотлагательный и полный вывод американских вооруженных сил из этого района мира; прекращение Соединенными Штатами всякой поддержки марионеточных властей в Индокитае.

Версальский форум принял также ряд важных резолюций, в которых подведены итоги огромной работы, проделанной в комиссиях ассамблеи, намечаются конкретные пути дальнейшей борьбы с преступной войной США на Индокитайском полуострове.

...Я видел руины храмов Кэо, опаленную и изуродованную воронками землю Вьетнама, изувеченных детей. С тех пор прошло три года. На головы вьетнамцев в эти дни падают еще более варварские средства массового уничтожения. Эскалация преступлений продолжается. Необходимо немедленно положить ей конец! Это — требование Всемирной ассамблеи в Версале, требование всех честных людей нашей планеты.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

СССР—ГДР:

РАССКАЖИТЕ О СВОИХ ДРУЗЬЯХ

●

ПОБЕДИТЕЛЕЙ ЖДЕТ ПОЕЗДКА В ГДР

«Фрайе вельт» — «Свободный мир» — так называется братский журнал, который издает в ГДР Общество германо-советской дружбы. По случаю предстоящего юбилея — 25-летия создания этого общества — «Фрайе вельт» и «Огонек» обращаются к своим читателям с предложением принять участие в объединенном конкурсе «Мой друг». Мы предлагаем взяться за перо каждому гражданину Советского Союза, который имеет друга в ГДР, и каждому гражданину ГДР, который имеет друга в СССР. Каждый, кто в годы претворения в жизнь Договора о дружбе между СССР и ГДР и растущего сотрудничества между нашими странами встретился с настоящим другом, может принять участие в этом конкурсе.

Победители конкурса получат возможность совершить путешествие в страну друзей. В ГДР или в Советском Союзе друзья встретятся с друзьями. Эту возможность имеет каждый, кто пришлет в «Огонек» свои воспоминания, рассказ о каком-либо эпизоде из жизни, а если возможно, то и фотографии, которые покажут, как, при каких обстоятельствах рождалась и крепла дружба между нашими странами, между гражданами СССР и ГДР.

У советских людей есть немало друзей в ГДР, так же, как и у граждан ГДР в СССР, и каждый из этих дружеских союзов имеет свою историю. Иногда эта дружба начиналась в дни совместной работы, иногда во время учебы, а иной раз в дни отпуска... Как начиналась ваша дружба! При каких обстоятельствах вы встретились с гражданином ГДР, которому сегодня вы говорите: «Ты мой друг»! Напишите нам о своих друзьях. Напишите для вашего друга и для миллионов читателей журналов «Огонек» и «Фрайе вельт».

Наш конкурс продлится до 30 апреля 1972 года; не забудьте на конверте написать: «Конкурс «Мой друг».

КОНКУРС БРАТСКИХ ЖУРНАЛОВ

НОЧЬ НА ПЕРЕДОВОЙ

Весна 1945 года. На снимке отмечены лейтенант Кони Вольф и автор этих строк.

Лето 1961 года. Кинорежиссеру Конраду Вольфу присуждена премия на кинофестивале в Москве за фильм «Профессор Мамлок». Кони поздравляет его друг Владимир Галл.

Дорогая редакция! Узнав о конкурсе «Мой друг», я решил рассказать читателям «Огонька» о своем большом друге Кони Вольфе. Его имя известно и в ГДР и в нашей стране. Конрад Вольф — кинорежиссер, создатель фильмов «Мне было девятнадцать», «Профессор Мамлок», «Гойя».

Впервые я встретил его 18 июля 1944 года в маленькой деревушке под Ковелем, когда прибыл в Политотдел 47-й армии. Еще в Политуправлении фронта мне сказали, что там работает переводчиком сын Фридриха Вольфа. Я всегда испытывал глубокое уважение перед этим талантливым и мужественным писателем-коммунистом и теперь с понятным интересом ожидал встречи с его сыном. Передо мной предстал высокий, очень юный лейтенант с медалью «За оборону Кавказа». Он оказался застенчивым и немногословным, и лишь от товарищей я узнал, что, следуя примеру отца, Кони пошел добровольцем на фронт, чтобы бороться против гитлеровских фашистов, хотя был еще подростком. С каждым днем меня все больше восхищали его скромность, простота, добросовестность, верность долгу и храбрость. И не только я один — все офицеры любили и уважали этого парня. Вольф был самым младшим среди нас и по званию и по возрасту, но, несмотря на это, выполнял важную работу: допрашивал военнопленных, составлял и переводил на немецкий язык листовки, выезжал с нашей агитмашиной, оснащенной мощным громкоговорителем, на передовую.

Фашисты отвечали на наши призывы яростным огнем орудий и минометов. Особенно запомнился один случай в начале февраля 1945 года. Ночью мы с Вольфом, как обычно, выехали с радиоустановкой на передовую. Поставили машину у полуразрушенной стены, а сами с микрофоном спустились в подвал, чтобы оттуда вести передачу. По традиции вначале мы передали какой-то шлягер, кажется, «Розамунду». Как всегда, немцы в этот момент огонь не открывали: видимо, слушали любимую песенку. Но когда мы, сменяя друг друга у микрофона, заговорили, начался ад кромешный. На то место, где стояла агитмашина, обрушился град снарядов и мин. Наши голоса, хотя и усиленные громкоговорителем, тонули в грохоте разрывов... Наконец передача закончилась, и опять-таки по традиции зазвучал бравурный мотив еще одного шлягера. Обычно, услышав «музыкальный финал», гитлеровцы прекращали обстрел. Такой же реакции мы и ожидали, тем более что звучала песня «Блондес Кетхен», которая — мы хорошо знали — была очень популярна среди немецких солдат. Но на этот раз обстрел не только не прекратился, но стал еще более ожесточенным. Снаряды и мины ложились ближе и ближе, от их разрывов все сильнее дрожали стены и свод подвала. Очевидно, нас засекли и взяли в артиллерийскую вилку. Каждую секунду можно было ждать прямого попадания. Нужно было немедленно выключить громкоговоритель — ведь вражеская артиллерия ориентировалась именно по музыке. Но наш звукооператор Коля, молоденький старшина, впервые выехавший на передачу, растерялся. Внезапно Конрад выскочил из подвала. И в следующее мгновение песня оборвалась. Через несколько минут умолкла и артиллерия, потеряв ориентир. Наступила такая тишина, что стало больно ушам. Мы вышли из подвала. Небо на востоке посветлело. На стене были видны свежие следы разрывов. Конрад стоял на подножке машины и сметал с крыши осколки снарядов и битого кирпича...

1 мая 1945 года Вольф одним из первых вызвался пойти парламентером в цитадель Шпандау, чтобы помочь предотвратить бессмысленное кровопролитие. Но мы тогда не взяли его с собой: фанатики-эсэсовцы, засевшие в крепости, по произношению узнали бы в Кони немца, и расправа над всеми парламентерами была бы неминуема. Однако через два дня, 3 мая, Вольф все же настоял на своем. Советское командование послало нашу агитмашину туда, где предполагалось скопление немецких солдат и офицеров, прорвавшихся из Берлина, но теперь все равно обреченных. Конрад добился участия в этой операции, хотя знал, что она очень опасна: озверевшие эсэсовцы были готовы на любые преступления. Выехали мы втроем: Кони, водитель и я. Вначале все было хорошо. Понимая безнадежность своего положения, немцы охотно откликались на наши призывы. В течение всего дня они шли и шли к агитмашине, на крыше которой развевался белый флаг. Рядом росла гора оружия — автоматов, пистолетов, карабинов. А в стороне скопилась целая толпа пленных. Мы уже собирались заканчивать передачи, когда вдали показалась еще одна группа, человек 40—50. Но вместо того, чтобы поднять руки и идти гуськом, они рассыпались цепочкой и приближались боевым порядком, обходя нас с флангов и охватывая клещами. До сих пор все протекало настолько спокойно, что мы с Вольфом, честно говоря, немного размагнитились, утратили чувство опасности. Пленные, стоявшие невдалеке, как будто не собирались напасть на нас с тыла, но и не выражали намерения вместе с нами отражать атаку. В их толпе чувствовалось какое-то движение: одни взволнованно перешептывались, другие смотрели на нас с любопытством и даже насмешкой. А цепи гитлеровцев подходили все ближе и ближе. Тут я сказал Вольфу:

— Уходи, пока можно. Двое нас или трое — это ничего не меняет.

Кони решительно покачал головой:

— Нет, Володя, я останусь с вами до конца.

Гитлеровцы были совсем близко. Казалось, еще секунда — и бросятся на нас. Но вдруг в самый последний момент солдаты неожиданно выстроились гуськом и с поднятыми руками подошли к нам. Впереди шествовал (именно не шел, а шествовал) морской офицер в форме капитан-лейтенанта. Он лихо отдал честь, отстегнул от пояса офицерский кортик, передал его мне, как старшему по званию, и удалился, четко печатая шаг. Его солдаты молча и хмуро, без всякой патетики, побросали свои автоматы и отошли в сторону.

Плечом к плечу с нами, советскими людьми, Конрад Вольф прошел дорогами войны от Кавказа до Берлина. В огне битв с фашизмом родилась и закалилась наша дружба. В честь 25-летия великой Победы над фашизмом мой друг был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

И после войны Вольф продолжает — теперь уже оружием киноискусства — сражаться за светлые идеалы мира и социализма.

В. С. ГАЛЛ,
старший преподаватель Московского педагогического института иностранных языков имени М. Тореза

Фото Г. Макарова.

В почетном карауле молодые воины.

23 ФЕВРАЛЯ — ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

ЕЛЬНЯ ГВАРДЕЙСКАЯ

А. МИГУНОВ

Легендарной славой овеяна Советская гвардия. Она родилась в тяжелых июльско-августовских боях под Ельней тридцать с лишним лет назад. В середине июля сорок первого года враг, используя численное преимущество, захватил Смоленск. Гитлеровское командование двинуло на Ельню свои отборные дивизии. Фашистам казалось, что, захватив Ельню, они смогут молниеносно развить наступление на главном, Московском направлении.

В то время я был солдатом 19-й стрелковой дивизии, одной из тех, что бились под Ельней с врагом.

Мы должны были во что бы то ни стало остановить гитлеровцев, выиграть драгоценное время, чтобы организовать мощные оборонительные рубежи на дальних и ближних подступах к Москве. И мы выиграли время...

А фашистские авантюристы просчитались. Разве кто-либо из главарей фашистских орд, захвативших почти всю Западную Европу, мог предвидеть, что наиболее сильная группировка немецких войск встретит яростное сопротивление на небольшом лоскутке ельнинской земли? И что их отборным дивизиям придется испытать здесь горечь поражения?..

Сегодня, спустя 30 лет, я иду по фронтовой дороге, где смертью храбрых пали в боях и сражениях сотни моих однополчан. Давно отзвучали залпы войны, обрушились и заросли окопы и траншеи. На поле боя выросла светлая березовая роща. Но в памяти неотступно стоят те дни и ночи смертельных схваток с врагом.

Беру горсть ельнинской земли, истерзанной бомбами и минами, перерытой гусеницами вражеских танков, опаленной огнем. Горсть родной земли, обильно политой солдатским потом и кровью. На этой земле осталась и моя кровь. С болью в сердце вспоминаю павших здесь моих товарищей по оружию. И с гордостью думаю об их подвиге во имя нашей социалистической Родины.

Те, кто пал здесь, были еще очень молоды. Во всем нашем полку, пожалуй, можно с трудом насчитать два десятка тех, кто был вдвое старше нас. Мы, до того как вступили в бой под Ельней, еще не нюхали пороху. Лишь нескольким старшим товарищам пришлось побывать в боях на Халхин-Голе и на Карельском перешейке. Но их хладнокровие, выдержка, стойкость, их умение вести себя в бою, их сноровка бывалых солдат передавались нам, молодым, необстрелянным бойцам.

И, конечно, образцом нам служили наши командиры и политработники. Вспоминаю полковника Утвенко. Он по нескольку раз в сутки сам водил нас врукопашную. Горячий, стремительный, напористый, вставал Утвенко под огнем во весь рост, поднимал нас в атаку. Вражеские пули и осколки словно бы боялись его храбрости. Не зря говорят: «Кто смерти не боится, того и пуля сторонится!» Вечером 5 сентября части полковника Утвенко первыми ворвались в Ельню.

Гвардейский характер солдат ковался в жестоких боях. 100-я стрелковая дивизия, открывшая счет гвардейским соединениям, шла сквозь огонь испытаний под командованием генерала И. Н. Руссиянова с самого начала войны. Закаленные в первых сражениях ее полки в боях под Ельней навсегда покрыли себя неувядаемой славой.

Накануне 30-летия рождения Советской гвардии бывший командир 1-й гвардейской ордена Ленина стрелковой дивизии И. Н. Руссиянов приехал в село Ушаково, под которым шли особенно ожесточенные бои. Здесь командира легендарной дивизии встретили рабочие ельнинского совхоза «Гвардейский», ветераны первых гвардейских дивизий. Поднявшись вместе с собравшимися на безымянную высоту, И. Н. Руссиянов сказал:

— Здесь шли тяжелые, кровопролитные бои. На этом месте были немецкие укрепления: дзоты, заграждения из колючей проволоки, противотанковые препятствия. Немецко-фашистские генералы придавали особое значение расположенному на этой высоте селу Ушаково. Захватив его, они создали тройные оборонительные линии. Первый неожиданный удар по захватчикам, засевшим в этом селе, нанесли стрелковый полк, которым командовал полковник Н. А. Шварев, и артиллерийский дивизион капитана А. И. Помельнинова... Орудий у нас было мало, а целей много. Но артиллеристы били прицельно, расчищая путь пехоте... Хорошо подготовленная атака увенчалась успехом. Рота старшего лейтенанта Федора Безуглова ворвалась в Ушаково, уничтожая фашистов штыком и прикладом. Но гитлеровцы не могли примириться с потерей одного из главных узлов обороны Ельни. Яростные контратаки фашистов при поддержке танков следовали одна за другой. Село Ушаково переходило из рук в руки восемь раз. Батальоны героического 355-го стрелкового полка уничтожили сотни вражеских солдат, десятки танков, орудий, бронетранспортеров и автомашин...

...Дивизия получила приказ перейти в решительное наступление,— продолжал И. Н. Руссиянов.— Наступление! Этот приказ воодушевил бойцов и командиров. В полках дивизии прошли партийные и комсомольские собрания. Более трехсот солдат и офицеров были приняты в ряды Коммунистической партии Советского Союза.

В двадцатишестидневных боях за Ельню была разгромлена крупная немецко-фашистская группировка. На ельнинской земле нашли бесславный конец сорок пять тысяч гитлеровских солдат и офицеров.

За беспримерный героизм, стойкость и отвагу стрелковые дивизии 100-я, 127-я, 153-я, 161-я были переименованы в 1-ю, 2-ю, 3-ю и 4-ю гвардейские дивизии.

В честь рождения Советской гвардии в Ельне открыт монумент. Авторы памятника — скульптор А. Г. Сергеев и архитектор Г. С. Тронин. Фигуры четырех солдат, отлитые в бронзе ленинградскими рабочими, олицетворяют собой беспримерное мужество и героизм советских воинов, стеной вставших на пути врага, рвавшегося к Москве...

Необыкновенно похорошела Ельня в послевоенные годы. Выросли в ней новые дома, школы, кинотеатры, клубы. Город свято хранит память о своих защитниках. Есть в Ельне улица генерал-майора И. П. Калинина, под командованием которого 23-я гвардейская танковая бригада заслужила наименование Ельнинской. За героизм, проявленный в боях за Ельню, Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову, маршалу бронетанковых войск А. Х. Бабаджаняну, генерал-полковнику О. А. Лосику, полковнику А. Б. Комарову присвоено звание почетных граждан города.

В день открытия памятника многие ветераны-гвардейцы были гостями Ельни. Славный этот русский город и ныне хочется назвать гвардейским!

П. Кривоногов. 1911—1967. РЕЙД КОННИЦЫ ДОВАТОРА.

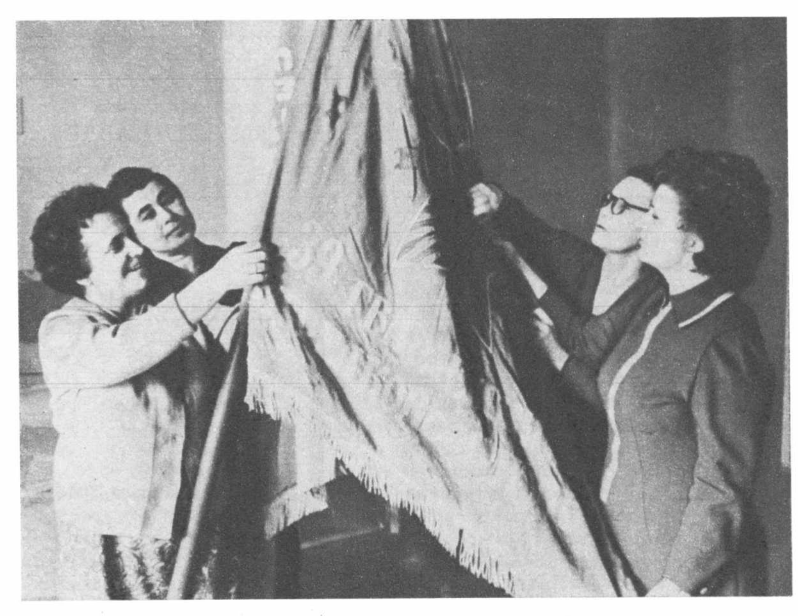
Студия военных художников имени М. Б. Грекова.

В. Дмитриевский. ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР. Студия военных художников имени М. Б. Грекова.

Б. СОПЕЛЬНЯК

Фото автора.

— Вот оно, сталинградское знамя!
Н. П. Чернецова и ее подруги Р. И. Горшкова, А. В. Карева и Л. А. Синицына в Центральном музее Вооруженных Сил СССР.

ЗНАМЯ ВСЕГДА ВПЕРЕДИ

Что делать четырнадцатилетней девчонке, если ни на патронные, ни на артиллерийские, ни на танковые заводы ее не берут, а из динамиков гремит «Идет война народная, священная война» и повсюду висят плакаты «Все для фронта, все для победы»?

Отец на фронте, мать на трудовом — роет окопы, дед и тот в ополченцы пошел, а Нина, как будто ничего и не происходит, должна ходить в школу?! Нет уж, лучше сбежать на передовую: там можно стать радисткой, медсестрой или еще лучше — разведчицей. Да и фронт совсем рядом, пешком можно дойти.

Размышляя об этом, Нина брела по отороченной противотанковыми ежами Беговой улице и чуть не наткнулась на «Эмку», затормозившую у нее перед самым носом. Из машины выскочил автоматчик, взял какой-то сверток и вбежал в подъезд. Может, оно и нехорошо подсматривать, только Нина полюбопытствовала и заглянула в окно. В небольшой комнате сидели женщины и... вышивали. Нина от удивления даже рот разинула — вроде бы взрослые тетки, а вместо того, чтобы делать снаряды и патроны, рукоделием занимаются! В такое-то время!

В комнату вошел автоматчик, развернул сверток, и Нина ахнула: это было знамя — обгоревшее, простреленное, в каких-то бурых пятнах.

Женщины долго его разглядывали, покачивая головами, потом натянули полотнище на пяльцы и принялись за работу. Они счистили пятна, заштопали дыры, вышили обгоревшую верхушку звезды, пристрочили бахрому... Чего-чего, а уж вышивать-то Нина умела, у нее дома даже грамота лежала за победу на районной выставке, и потому следила она за работой со знанием дела. Красные нитки кладут гладью, желтые — стебельчатым швом. И нитки-то какие — настоящий шелк!

Прошло часа два. И все это время автоматчик ни на минуту не отлучался из комнаты. Сначала Нина удивлялась, а потом вспомнила — где-то читала, что знамя без охраны ни на миг не должно оставаться. Если оно пропадет или его захватят враги, — часть расформируют. И пусть от дивизии останется даже один человек, но сохранивший знамя, — дивизия будет жить, а те тысячи новых воинов, которые станут рядом со знаменосцем, будут просто пополнением.

...Стемнело. В комнате зажгли свет и опустили черные шторы, а Нина все не уходила. Наконец в дверях появился автоматчик. Теперь знамя было насажено на древко и укрыто чехлом. Машина тронулась, а Нина нырнула в подъезд.

В комнате, все так же склонившись над пяльцами, вышивальщицы тихо напевали «Тонкую рябину». Нина почему-то сразу оробела, притихла в сторонке. И вовсе они не тетки, а молоденькие девушки — лет по двадцать, наверное, не больше.

Допели песню. Помолчали. Наконец худенькая, белокурая девушка заметила Нину.

— Тебе чего?

— Можно я... тут посижу?

— Посиди...

Шелестят нитки. Мелькают иглы. На всех пяльцах — красные полотнища. Одна девушка вышивает буквы. Другая — портрет Ленина, третья — герб.

— Попробуешь? — вдруг предложила белокурая.

— Ага! — торопливо выдохнула Нина.

Так начался первый рабочий день, или, точнее сказать, вечер, Нины Петровны Чернецовой. Не думала она тогда и не гадала, что станет на всю жизнь профессиональной вышивальщицей: «Подрасту маленько да окрепну — и на снарядный завод».

Может, так бы и произошло, если б не случай.

— Работали мы тогда в три смены, — вспоминает Нина Петровна. — Формировались новые полки и дивизии, строились новые корабли, и всем нужны были знамена. А работали в основном такие же пигалицы, как и я. Уставали страшно, особенно в ночную смену. Забились мы однажды в раздевалку и уснули. Спим себе тихонько, притаились, как мышата. Мастер нашел нас и шуганул оттуда. Мы бегом за пяльцы. Смотрю, а уж около меня автоматчик с простреленным знаменем. Надо, говорит, подлечить, потому что утром в бой. Расправила я полотнище, осмотрела... Глазам не верю! Батюшки-светы, мое знамя-то! Я же его делала месяц назад! Узнать не мудрено: на кромке, там, где вставляется древко, каждая мастерица вышивает свою фамилию. Схватила я иголку, нитки и давай штопать, зашивать, вышивать. Работаю, а сердце, кажется, вот-вот выпрыгнет: уж очень любопытно, где мое знамя побывало, в какие бои-атаки ходили с ним. Дай, думаю, спрошу! И спросила. Солдат улыбнулся и говорит: «Хоть и военная это тайна, но тебе знать можно. Даже нужно. Бились мы, сестричка, под твоим знаменем в самом центре Сталинграда. Насмерть бились! Так что ты нашему полку вроде крестной матери».

Сбежались тут наши девчонки — Люся Синицына, Рая Горшкова, Аня Карева. Целуют солдата, обнимают, плачут. Мы ведь с лета сорок второго и засыпали и просыпались с одной-единственной мыслью, с одной тревогой: как там, в Сталинграде?

Так и решилась моя судьба, — вздохнула Нина Петровна. — Никуда я больше не бегала, ни о какой другой работе не думала. И зачем? Более почетной и видной профессии, по-моему, просто не существует. Не улыбайтесь, я вовсе не шучу! Вы только представьте: знамя Москвы, знамена большинства заводов и фабрик, автономных и союзных республик — все это наша работа. Вручают, скажем, городу или республике орден. Куда прикрепляют его? К знамени. Открывается первомайская демонстрация. Что во главе колонн? Знамя!

— Нина Петровна, — спрашиваю я ее, — а нельзя ли посмотреть хотя бы одно боевое знамя, которое вы делали?

— Почему же нельзя? Надо только пойти в музей и поискать в знаменном фонде.

Через день мы встретились у входа в Центральный музей Вооруженных Сил СССР. Надо было видеть, с каким уважением и радостью приветствовали работники музея Нину Петровну Чернецову, Анну Васильевну Кареву, Раису Ивановну Горшкову и Людмилу Алексеевну Синицыну. В хранилище знаменного фонда посторонним вход запрещен строго-настрого, но тут двери широко распахнулись.

Хранилище огромно. Знамена стоят в чехлах, висят под потолком... Поди-ка тут найди свою работу! Пришлось лезть на стремянки. И буквально через минуту — ликующий голос Раисы Ивановны:

— Есть! Нашла!

Подбежала Анна Васильевна.

— И точно, наше...

— А как вы определили? Фамилии-то нет на отвороте,— удивился я.

— Зато есть развевающийся флажок. Это эмблема нашей фабрики. В спешке иногда фамилию мы не вышивали, а флажок — обязательно.

— Рая, спустись-ка сюда,— позвала Синицына.— Не пойму что-то: флажка нет — ободрано все, а знамя вроде наше.

Да, оно самое, боевое знамя 70-го гвардейского штурмового авиационного полка! Раиса Ивановна бережно развернула шуршащее полотнище, нервно ощупала звезду, пробежала пальцами по серпу и молоту. Все умолкли, отошли в сторону. А Горшкова стиснула древко, зарылась лицом в алые складки и заплакала.

— Я ведь сразу узнала,— шепнула Синицына.— Никто, кроме Раи, не вышивал рукоятку серпа с кольцом-перехватом...

Сколько повидало это знамя! Оно и свидетель тех тяжких боев, когда знамя из окружения выносили, и символ многих побед — под его сенью совершено 4 447 боевых вылетов. К нему был сначала прикреплен орден Красного Знамени, а потом за взятие Берлина — орден Суворова III степени. Девять Героев Советского Союза целовали это полотнище, давая клятву громить врага до последней капли крови. А гвардеец Сергей Иванович Колыбин повторил легендарный подвиг Гастелло и... остался жив.

А вот и другое знамя — на нем 116 пулевых и осколочных пробоин. Ткань выцвела, истончилась, бахрома поредела. Но пробоины тщательно заштопаны, а то и зашиты через край по-мужски грубыми стежками. Вышивальщицы качают головами, они и не надеются найти здесь маленький флажок-эмблему. И вдруг Нина Петровна Чернецова хватается за сердце и шепчет:

— Батюшки-светы! То самое... Сталинградское!..

Дрожащими руками расправляет она изрешеченное полотнище. Трогает пальцами его шрамы. Разглаживает зашитый черными нитками рубец. Знамя 39-го гвардейского стрелкового полка! Гвардейцы тридцать девятого на улицах Сталинграда бились за каждый дом, комнату, коридор. Они стояли насмерть! А потом освобождали Белгород, Харьков, Кировоград, форсировали Днепр и Буг, Днестр и Вислу, Одер и Эльбу, освобождали Ченстохов, Дрезден и Прагу...

Счастливая рука оказалась у Нины Петровны Чернецовой. Но на этот раз подлечивать знамя не надо. Пусть люди видят все раны, все рубцы и шрамы, пусть знают, через какие свинцовые метели пронесла его доблесть советских солдат.

...Вышивальщица. Простая и вроде бы скромная профессия. Каждый день сто мастериц садятся за пяльцы в просторном цехе Московской фабрики строчевышивальных изделий № 3 имени 35-летия Октября. Каждый день их руки дают жизнь знаменам, с которыми люди идут на демонстрации, знаменам, к которым прикрепляют ордена и под которыми, если надо, пойдут в атаки.

Стоит эта фабрика на самой окраине Красной Пресни, но кажется, что видно ее отовсюду. Потому что знамя всегда впереди!

СТАРАЯ

Евгения КОНОВАЛОВА

РАССКАЗ

Рисунок М. ЛИСОГОРСКОГО.

Самолет сдвинулся с места и пошел на старт. Привычным жестом поправив белый форменный берет, дежурная подошла к ограде и, облокотившись на нее, стала следить за взлетом.

— Посадку на московский рейс скоро объявят? — спросил человек в соломенной шляпе и темных очках.

— Когда надо, тогда и объявят! — неприветливо ответила дежурная.

От самолетной стоянки к служебному зданию шла женщина с золотыми нашивками на рукавах. Человек в соломенной шляпе поспешно снял очки, останавливая взгляд на женщине в форме, и, забыв о разделяющей их ограде, рванулся вперед.

— Кругликова-а-а!..

Голос его утонул в шуме работающего мотора.

— Товарищ пассажир, сюда нельзя! — строго предупредила дежурная.

— Одну секундочку...

— Объявляется посадка на самолет, вылетающий рейсом Москва...— послышалось из репродуктора.

— Это на ваш рейс, пройдите на посадку! — сказала дежурная и посмотрела в сторону, куда неотрывно глядел пассажир.— Знакомая? — уже спокойно спросила она.

— Если я не ошибся, это Оля Кругликова?

— Она. А вы откуда ее знаете?

— Служили в одном полку.

— Товарищи, идите за мной! — пригласила дежурная пассажиров и первой пошла к самолету.

— Скажите, она давно здесь? — спросил человек в соломенной шляпе, вышагивая рядом.

— Кругликова? Давно... Как вернулась из армии, родила мальчонку, сынишка-то у нее фронтовой...

— У нее сын?! — Пассажир остановился.

— Сын... Тяжело ей пришлось одной, а сейчас ничего. Генка-то в летной школе учится...

Дежурная обернулась и стала поторапливать отставших пассажиров.

В самолете было душно. Обмахиваясь газетой, пассажир бросил на сиденье соломенную шляпу и пошел к выходу. На земле у трапа все еще стояла женщина в белом берете. Она махнула ему рукой и крикнула:

— Может, ей что передать?

— Передайте привет от однополчанина!..

Трап отодвинули от самолета, дежурная в последний раз махнула ему рукой и пошла, не оглядываясь.

Удобно откинувшись в кресле, полковник запаса закрыл глаза и погрузился в воспоминания.

...В истребительный полк, которым командовал он, майор Бродов, для прохождения дальнейшей службы была прислана девушка Оля Кругликова. Бродов был удивлен и даже разгневан, увидя перед собой голубоглазое создание.

— Вы истребитель? — недоверчиво спросил он и еще раз окинул девушку внимательным взглядом.

Она почувствовала неприязнь и обиженно опустила глаза. Тонкие, изогнутые брови слегка дрогнули.

— Да,— ответила Кругликова.

Стоявшие в стороне летчики переглянулись.

— Интересно получается... Боевой полк...— не зная для чего, сказал Бродов.

— Разрешите идти? — спросила девушка, взглянув на Бродова широко открытыми глазами, как бы бросая вызов.

Бродов положил на стол командировочное предписание Кругликовой и, одернув гимнастерку, сказал:

— Да, идите, отдыхайте, а завтра я проверю вашу технику пилотирования. Хоть у вас и есть боевые вылеты, но такой порядок! — закончил майор и шагнул из комнаты.

Все последовали за ним, оставляя настежь открытой дверь избы, в которой размещался командный пункт полка.

На другой день свободные от заданий летчики один за другим торопились на КП. Они внимательно следили за машиной с красной цифрой «2». На ней Бродов и Кругликова подрулили на старт.

После взлета, сделав предварительно круг над аэродромом, Кругликова свечой взмыла ввысь и выполнила каскад фигур высшего пилотажа. Выйдя из боевого разворота, она сделала горку, потом крутой вираж и камнем упала вниз. Но у самой земли выровняла машину и, рассчитав, с прямой пошла на посадку.

К самолету было приковано внимание наблюдавших. Они видели, как командир отдал приказание технику и, стянув с головы шлем, направился к КП.

— Батя что-то еще задумал! — сказал лейтенант с ямочкой на подбородке, щуря серые глаза, и громко стукнул ладонями, потер их, как бы предвкушая увидеть интересное зрелище.

— Луценко! Пойдешь с ней на розыгрыш боя! — приказал лейтенанту командир полка.

Лицо лейтенанта вытянулось от удивления.

— Да смотри не переоцени свои силы... с тобой иногда это бывает,— предупредил майор и строго посмотрел на Луценко.

— По-моему, братцы, он решил ее списать с ходу, а?..— шепнул соседу веснушчатый юнец, скосив глаза в сторону командира.

Бродов отошел от группы летчиков и, небрежно бросив шлем, опустился на высохшую от летнего солнца траву.

Луценко сделал круг над аэродромом, дожидаясь взлета «двойки», а дождавшись, пошел в набор. «Двойка» сделала то же, приблизившись вплотную к самолету Луценко.

Боевой разворот, горка, вираж. «Двойка» повторяет, мгновенно пристраиваясь в хвост своего условного противника, преследуя его. Он падает вниз, «двойка» за ним. И так без конца она неотступно следует за «пятеркой», держа под прицелом хвост его машины.

Лейтенант мечется по безоблачному небу, пытаясь зайти «двойке» в хвост, но ему это не удается.

Лоб Луценко покрылся мелкими капельками пота. Он взглянул на бензиномер: только эта единственная возможность могла заставить девушку прекратить воздушный бой. Он хотел передать по рации, но...

«Двойка» встречным курсом шла на «пятерку».

«Лобовая атака!» — мелькнуло у него.

ФОТОГРАФИЯ

На голубом фоне неба с большой скоростью сближались два самолета. Мгновение — и самолет, которым управлял Луценко, с нарастающим ревом взмыл вверх, подставляя брюхо под прицел «двойки».

Командир полка поднялся с земли, выплюнул догоревший окурок.

...— Пожалуйста, мятные! — услышал Бродов голос бортпроводницы и открыл глаза, вернувшись к действительности; бортпроводница услужливо протягивала ему поднос с конфетами.

А потом... потом в самый последний день войны погиб лейтенант Луценко. Бродов вспомнил скорбные лица однополчан и Ольгу возле гроба.

...Через десять минут самолет произведет посадку, прошу пристегнуться ремнями!..— снова перебила мысли Бродова миловидная бортпроводница.

В летной школе, где учился Генка Кругликов, начался новый учебный год. Курсанты после перерыва с шумом рассаживались по местам.

— Ребята, ребята, видели нового начальника школы. Вот да! Герой Союза!..— стараясь перекричать всех, сообщил вбежавший курсант.

Вошел преподаватель. Все встали.

— Продолжим занятия,— сказал преподаватель и, бросив взгляд в сторону, где сидел Кругликов, добавил: — А вы, Кругликов, к начальнику школы!

Удивленные глаза Кругликова остановились на преподавателе.

— Иди, иди, не бойся... Он, наверное, тебя своим заместителем сделать хочет! — сострил один из курсантов.

Владимир Николаевич Бродов сидел за столом и внимательно листал личное дело Геннадия Кругликова.

«Кругликов Геннадий Иванович, год рождения — декабрь 1945... Мать — Кругликова Ольга Ивановна».

В дверь постучали, и Генка нерешительно переступил порог кабинета.

— Курсант Кругликов явился...— начал было Кругликов, но начальник школы перебил его:

— Проходи, проходи! — Бродов встал и пошел навстречу Генке.

Генка стоял в дверях. Глаза его настороженно застыли.

— Проходи, Гена! — уже настойчивей предложил Владимир Николаевич и указал на стул.

Генка осторожно сел на краешек стула. Бродов кашлянул и посмотрел в раскрытое окно.

— Кругликова Ольга Ивановна — твоя мать? — мягко спросил Владимир Николаевич и сел рядом с Генкой.

— Вы ее знаете? — оживился Генка.

— Мы служили в одном полку...— Бродов сделал паузу.— Да, вот можешь убедиться...— Он вытащил из кармана коричневый бумажник и достал из него пожелтевшую групповую фотографию.— Ну-ка, посмотри... Узнаешь?

Генка взял фотографию. На него смотрело совсем юное лицо матери. Она стояла в окружении молодых и задорных летчиков.

— Ты знаешь...

— Знаю! — перебил Генка Бродова.

— Что знаешь? — непонимающе переспросил Владимир Николаевич.

— Что он погиб!..— Генкин подбородок слегка дрогнул.

Бродов встал, несколько раз прошелся по кабинету и, останавливаясь перед Генкой, тихо сказал:

— Я хотел тебе сказать, что на днях видел твою маму... ну и захотел с тобой познакомиться... Твоя мать была настоящим боевым другом и в одном воздушном бою спасла мне жизнь, я обязан ей... После войны всех разбросало...— Бродов продолжал говорить, но Генка его уже не слушал. Убрав со лба влажную прядь волос, он поднял на Владимира Николаевича встревоженные глаза...

«Твой отец погиб!» — вспомнил он слова матери, и неожиданная догадка вдруг заполнила все его сознание.

— Вы мой отец? — выпалил Генка, не узнав своего голоса.

Бродов растерялся. Широкие брови над переносицей сдвинулись.

«Да-а, ситуация...— подумал Бродов озадаченно.— А что, если... Ведь любил же он Ольгу когда-то, хотя она об этом и не ведала. Своя жизнь не получилась, отцовского счастья не пришлось испытать. Но...»

После долгой паузы Бродов ласково дотронулся до Генкиного плеча и, заглядывая в серые глаза, сказал:

— Нет, Гена, твой отец действительно погиб. И он заслуживает доброй памяти. А я всегда готов, если ты захочешь, заменить его.

— Разрешите уйти? — пересохшими от волнения губами спросил Генка.

— Да, да, можешь идти. В другой раз мы обязательно продолжим наш разговор. Хорошо?

Генка кивнул головой и почти выбежал из кабинета.

Владимир Николаевич взял со стола фотографию, посмотрел на улыбающееся лицо Луценко: до чего ж они похожи — та же ямочка на подбородке, тот же упрямый взгляд... Погиб в самый последний день войны, так и не узнав о рождении сына.

ОБАЯНИ МАСТ

Вл. ПИМЕНОВ,
профессор

Крупнейший русский писатель, советский художник интернационального размаха... Очень немного таких писателей, как Константин Александрович Федин. Он один из родоначальников и классиков советской литературы.

Нередко считают, что тема, выбор жизненного материала еще ничего особого не решают; решает, дескать, исключительно художественное исполнение, мастерство. Однако две эти стороны творчества неразделимы. Маленькая, высосанная из собственного пальца, а не взятая из судеб народа тема не может спастись ухищрениями художества. Пройдя трудный, отмеченный радостью и болью души путь литератора-интеллигента к постижению истинного гуманизма революции, сильного борьбой за новое социальное здоровье общества, Константин Александрович выстрадал свою творческую проблематику.

Интеллигенция и революция, пути интеллигенции, все теснее сливающиеся с путями революционного народа,— вот что всегда занимало Федина, начиная с таких ранних его романов, как «Города и годы» и «Братья». Интернациональный размах русской революции — вот еще одна излюбленная тема художника, свободно переносящего действия своих книг в разные страны, показывающего, как ленинские идеи завоевывают все новых и новых бойцов. Таким бойцом, символом интернациональной солидарности, стал фединский герой, немецкий коммунист Курт Ван.

Тема искусства и народа всегда волнует писателя, и это один из важнейших признаков большой литературы, никогда не проходившей мимо своего осмысления, попыток разобраться в собственной силе и собственной слабости. Образы писателя Пастухова и актера Цветухина, с которыми мы познакомились в прославленной трилогии Константина Александровича «Первые радости», «Необыкновенное лето» и «Костер»,— это своеобразное олицетворение напряженных размышлений о судьбах искусства, о том, что лишь с народом оно будет прекрасно.

Формирование характера большевика — вот тоже ведущая тема фединского творчества. В галерее тех, кто вышел на борьбу за дело пролетариата,— молодой Кирилл Извеков и рядом с ним умный и сильный авторитетом рабочего-революционера Петр Рагозин.

Язык книг Федина — это отдельная область исследования: так много в нем богатства, гибкости, ясности, глубокой продуманности, так много в нем от животворных традиций русской литературы прошлого века. Герои Федина говорят каждый своим языком, говорят в то же время благородным языком русской литературы, и это очень важно. Нет, нельзя украшать соразмерное и продуманное в своих частях здание литературной речи бесконечными жаргонными фразами, диалектизмами, словесной модой. Право же, тут не уследишь, когда и в какой момент размываются берега прекрасного литературного языка, когда он, обретая, быть может, сиюминутную близость к языковой стихии, теряет большее — драгоценный опыт поколений, живую перекличку народов. На примере творчества Федина можно постичь глубокий смысл понятий «русский писатель», «русский роман», «русская повесть».

Константин Александрович Федин знает жизнь России в различных ее измерениях. Он знает жизнь старой провинции, крепкой русской глубинки, где вековую косность взрывали яркие мысли разночинцев, где срывали сотни лет висевшие вывески с именами кондового купечества — Мешковых — и водружали красные стяги. Федин знает жизнь русской интеллигенции, в муках и трудных духовных борениях заслужившей право называться трудовой, советской. Он знает жизнь русского солдата, пережившего ад империалистической войны, мытарства плена, издевательства офицеров, сумятицу мыслей о земле, о воле, о свободе, о том, что никак нельзя бросать оружие человеку с ружьем. Он знает деревню, где встречают когда-то ушедших уже постаревшие, разлапистые деревья, где все меняется, оставаясь по-прежнему дорогим и близким человеческому сердцу. Константин Федин знает мужество Советской страны, прошедшей огненные годы Великой Отечественной войны, прошедшей «испытания чувств» (не случайно именно так назвал Федин и свою пьесу — «Испытание чувств»). Он знает современность, знает, чем и как живут сейчас люди, знает, что такое постоянный писательский труд, труд, понятый, как понимали его все великие русские писатели,— как подвижничество, как смысл и цель дня и вечности, как служение народу.

Что еще привлекает в Федине? Отсвет горьковской жизни, горьковской мысли. Горький любил Федина, а для Горького любить значило воспитывать, обращать в свою творческую веру. Горький много писал Федину, внимательно анализируя его произведения, помогая молодому тогда писателю на новых литературных путях. И советы Горького не остались для Федина просто советами, они органически и естественно вошли в его собственную творческую программу.

...Есть у меня и личные встречи с Константином Александровичем, встречи, особенно частые в те дни, когда Театр имени Вахтангова ставил инсценировки по романам «Первые радости» и «Необыкновенное лето». Федин не пишет пьес и не писал их, кроме, быть может, одной — «Испытание чувств»; но естественно было желание коллектива вахтанговцев встретиться на своей сцене с отличным психологом Константином Фединым. Спектак-

---

«И ОН ЖИВЕТ В ТЕБЕ»

Вайме КАБУР,
главный библиограф Эстонской государственной библиотеки имени Крейцвальда,
Ааду ХИНТ,
народный писатель ЭССР

«Разве это не так: ничто иное, никакое другое зрительное восприятие не поднимает человека на такую ступень соучастия в творчестве, как книга. Читая текст, он должен сам все воспроизвести в своем воображении, и он делает это по своему усмотрению и способностям. А творчество ведь всегда было той мечтой человечества, сознательное или бессознательное стремление к которой может дать самое большое — из всех существующих — духовное удовлетворение» — эти слова эстонского писателя Владимира Бээкмана вспоминаются теперь, в начале Международного года книги, и особенно в связи с произведениями Константина Федина, которые уже многие десятилетия являются именно такими соучастниками читательского творчества, о которых говорит Бээкман.

Вопрос о значительности книги решают трое судей: критика, читатель, время, молчаливое и бесконечно сдержанное, время, чей голос иногда начинает звучать столетия спустя.

Эстонская критика с вниманием отнеслась к произведениям Федина. Народ — в данном случае эстонский читатель — тоже сказал свое слово, покупая его книги.

Эстонский читатель располагает пятью большими романами Федина, переведенными на эстонский язык общим тиражом в 98 тысяч экземпляров. В 1950 году вышел роман «Первые радости» в переводе В. Линаска, и уже в 1952 году он был переиздан. Писатель Э. Рауд в своей статье о «Первых радостях» назвал этот роман не только осмысливающим эпоху и историю, но и воспитывающим новое поколение строителей коммунизма. В 1952 году появляется «Необыкновенное лето», переведенное Ф. Кауба, и сразу же становится одной из центральных книг того года. Критик А. Тулик в журнале «Лооминг» проанализировал роман, его высокую и чистую идею и художественное мастерство. Критик подчеркнул человечную и человеческую концепцию писателя: внимание к человеку, заботу о нем — и еще напомнил о предупреждении Федина всем нам: не чуждаться людей, не предаваться беспочвенным мечтаниям, не сотворять кумира из своих собственных желаний. Другой критик, К. Уйбо, отмечает глубокую психологическую достоверность в изображении детей.

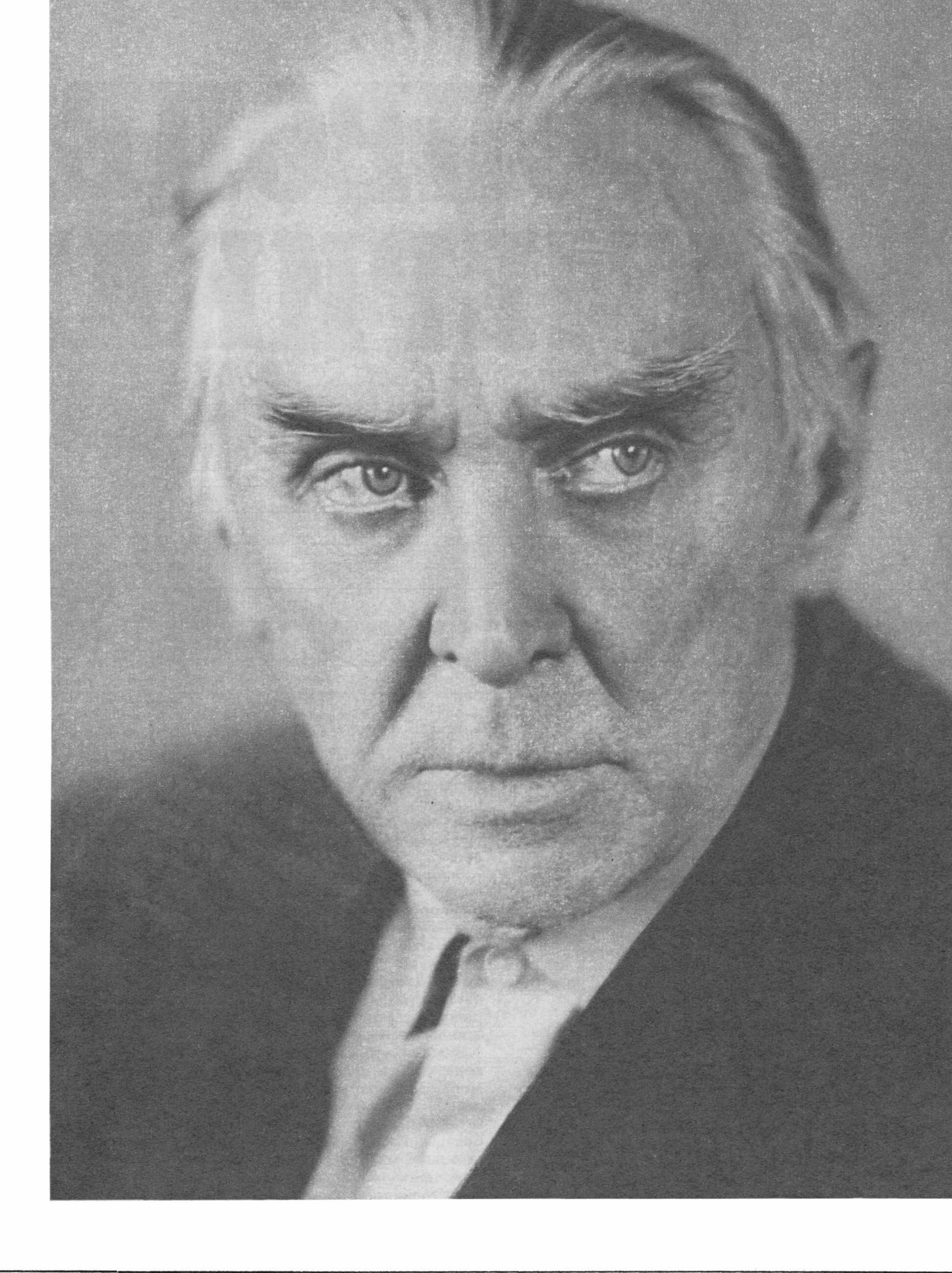
Последний роман трилогии — «Костер» — вышел в свет в 1963 году в прекрасном переводе

Е
ЕРА

ли по фединским романам пришли к зрителям. Это были хорошие дни для театра: он говорил о серьезнейших вопросах жизни языком умным и чистым, актеры не просто играли новые роли, но прикасались к роднику народной жизни, народной мудрости, роль писателя Пастухова играл Астангов. Прошли годы, а я, и, конечно, не только я, все еще помню, как трагически звучала у этого отличного актера важная всегда тема: самолюбование таланта — гибель таланта, замкнутость в своем, узком профессионализме, которая всегда губительна для подлинного искусства.

...Был вечер. Был шумный, постоянно спешащий Арбат. Навстречу мне, медленно и торжественно, шел Константин Александрович Федин с большим букетом свежих роз. Он нес их бережно и радостно, как нечто очень дорогое. «Куда вы?» — спросил я Федина. «Иду в театр. Надо подарить актерам цветы. Ведь сегодня спектакль. Хочется их порадовать». Маленький эпизод, зачем бы, казалось, долго хранить его в памяти? Что в нем? А для меня в нем многое, и главное — душевная деликатность, представление о том, что не овации, не шумные речи — ничто так не дорого для человека, для художника, как цветы, сами по себе символ вечно живого искусства природы.

...Председателю правления Союза писателей СССР, академику, депутату Верховного Совета СССР, члену президиума Комитета по Ленинским и Государственным премиям в области искусства и литературы, члену Советского комитета защиты мира, Герою Социалистического Труда Константину Александровичу Федину исполняется восемьдесят лет. Но нет возраста его книгам, ибо они каждый раз по-молодому свежо открываются новым поколениям советских читателей, которые ищут в них ответы на сложные вопросы жизни, встречаются с прекрасным и увлекательным миром.

О. Самма. В 1962 году был издан «Санаторий Арктур» в переводе Х. Луйге. Книга «Города и годы» на эстонском языке появилась в 1969 году. О ней писала Эне Маремяэ, что книга эта не может быть отнесена к разряду легкого чтения, это — произведение, обогащающее читателей своим богатством наблюдений времени и людей, в этом времени живших.

70-летие Федина было отмечено всей эстонской прессой. Республиканская газета «Рахва хяэль» писала об этом большом русском литераторе как о летописце становления и развития советского общества, как об одном из создателей метода социалистического реализма и мастере советского романа, сумевшем вложить в наше литературное наследие правдивые повествования о том, как в огне революции родились новая мораль и новый человек.

В эстонской печати продолжает жить и очерк «Живой Ленин» Федина. Памятны опубликованное на эстонском языке его интервью, как председателя Всесоюзного юбилейного комитета к 100-летию Горького, «Он идет с нами», речи на открытии Четвертого съезда писателей и на Объединенном пленуме правлений творческих союзов в 1967 году.

Интересная статья Федина «Из литературных бесед» (газета «Сирп я васар», 1967 год) разбирает соотношение жизненной правды и творческой фантазии: фантазия для писателя вовсе не единственный, но самый сильный инструмент, без фантазии нет художника. Но лишь настоящий художник способен воссоздать жизненную правду, в художественном произведении ее можно передать единственно с помощью фантазии: зеркальное воспроизведение фактов никогда не исчерпывает многообразия жизни и не дает ее верного изображения.

Опубликовано по-эстонски и литературоведческое исследование Федина «Судьба романа», которое он представил заседанию Европейского сообщества писателей в Ленинграде в 1963 году. В этом исследовании он подчеркивает общее для всех литератур советских народов — мысль о том, что из музыки советской литературы выпадет много тонов, если мы не услышим голосов писателей Украины, Казахстана, Грузии, Армении, Литвы и других братских республик. «Ни один жанр в литературе не охватил человеческого духа в такой беспредельности человеческого бытия, в такой всеобъемлемости, как роман». Писатель говорил о невозможности кризиса романа в мировой литературе: «Может быть, еще во многом мы не найдем одного языка. Но чтобы искать, у нас есть очень просторная база — человечность, в понятие которой входит всеобщий мир».

Подтекст произведений Федина так богат, что в трудные минуты и годы истории в нем всегда начинали звучать новые, свежие ноты. А чтение — это ведь не только узнавание фактов, подчеркивает писатель, но это и познание красоты и воспитание вкуса. При этом писатель высоко оценивает читателя. Вспомним слова Федина:

«Читателю всегда нужно самое главное, и только. А главное — мысль.

Читатель, то есть тот воображаемый, нужный тебе, художнику, человек, для которого ты пишешь, умнее тебя. Он догадлив, у него тонкое чутье, он быстро все понимает, и что ты ни подумаешь, что ни замыслишь, он сразу схватит. Он — высший и строжайший критик, его не обманешь пустяками и завитушками. И он живет в тебе.

Слушайся его, и будет все хорошо».

Таллин.

СТОПРОЦЕНТНЫЙ АМЕРИКАНЕЦ

Однажды в Москве на встрече с делегацией американской молодежи я спросил будущую журналистку из штата Индиана, знакомо ли ей имя Джона Рида. Моей собеседнице это имя ничего не говорило.

— У нас, в Америке, очень часто стремятся скрыть от масс многие уроки истории, замолчать некоторые события, имена. Это составная часть кампании духовного грабежа народа. Нас лишают нашего демократического прошлого,— говорил мне известный американский писатель и публицист Джозеф Норт.

История американской печати и публицистики знает немало имен мужественных и талантливых журналистов, чьи традиции приняла и продолжает коммунистическая печать США сегодня. Об одном из них, Роберте Майноре, мы хотим рассказать.

Несколько месяцев спустя после окончания второй мировой войны в Нью-Йорке, в Манхэттен-сентер, состоялся вечер памяти Джона Рида. На этом вечере выступил выдающийся прогрессивный публицист Роберт Майнор. Он говорил, что Рид как художник всегда был настроен на правду и в своем творчестве смог постичь значение русской революции.

Кто же такой был Роберт Майнор, которого труженики Америки называли «сражающийся Боб»?

Если можно говорить о коренных американцах, то Роберт Майнор был именно таким. Родственник его матери, генерал Сэм Хьюстон, в годы гражданской войны— губернатор Техаса, боролся с рабовладельцами-южанами, которые насильно устранили его с губернаторского поста. А один из предков Роберта, генерал Джон Майнор, был соратником Томаса Джефферсона, которого относят к «отцам-основателям» Соединенных Штатов Америки.

Роберту, сыну образованных, работящих, но небогатых родителей, пришлось рано начать трудиться. Был он и подмастерьем у художников, рисовавших вывески, и сельскохозяйственным рабочим на ферме. А потом он отправился на строительство трансконтинентальной железной дороги.

На строительстве молодому техасскому парню досталась одна из самых тяжелых работ, а легких там не было вовсе: изготовление бетонной смеси. Здесь Майнор впервые по-настоящему узнал рабочих людей. А потом Боб плотничал. В девятнадцать лет стал членом профсоюза — объединенного братства плотников и столяров Америки, отделение 717. Этот профсоюз был среди тех, которые боролись за восьмичасовой рабочий день. И до смертного часа Боб хранил свой профсоюзный билет.

Все время в нем настойчиво требовал выхода талант художника. Майнор начинает рисовать для «Сан-Луис пост диспетч», газеты, основанной одним из столпов американской буржуазной журналистики, Джозефом Пулитцером. Газета поручила Майнору делать зарисовки для отдела уголовной хроники.

Каждое утро, нередко до восхода солнца, Роберт приезжал в морг. Здесь на мраморных плитах лежали самоубийцы, утопленники, жертвы бандитов, болезней, безработицы. Роберт делал в блокноте эскизы и спешил в газету. Его работы нравились в редакции. Репортажи Майнора стали появляться на первой полосе. 27-летнего Майнора признали лучшим газетным художником страны!

Но личная слава не могла прогнать мысли о судьбах тех, чьи тела лежали на мраморных плитах морга,— о бедняках, об умерших от голода детях и стариках. Он понял, что искусство не имеет никакой ценности, если оно не служит людям.

Майнор становится социалистом. Когда в 1912 году, во время выборов, Теодор Рузвельт, претендуя на пост президента, широко прибегал к социальной демагогии, В. И. Ленин писал о нем как о человеке, которого выдвинули миллиардеры, чтобы спасти капитализм при помощи буржуазного реформизма. И Боб, который никогда не слышал имени Ленина, передал в своем рисунке сущность ленинского анализа.

Роберт работал в ведущей газете Пулитцера—«Нью-Йорк уорлд». Прежде газета выступала против войны, и Майнор рисовал для нее охотно. Теперь его вызвал главный редактор Горацио Сеймур и предложил изменить содержание рисунков: готовиться к войне с немцами.

— Нет, Сеймур, на это я пойти не могу. Я говорил и говорю так, как раньше говорила газета. Это война богатых, а сражаются в ней бедняки. Я скорее сгорю на адском пламени, чем соглашусь стать на чью-либо сторону в этой войне.

Майнора увольняют из газеты Пулитцера. Он начинает сотрудничать в левых изданиях. Когда газеты начали писать о большевистской революции в России, Майнор решает отправиться туда.

На палубе трансокеанского парохода Майнор штудировал тома о героях Великой французской революции. Он готовился к встрече с Лениным. Она состоялась в 1918 году в Москве. Об этом пишет в журнале американских коммунистов «Политикл афферс» Джозеф Норт, с которым Майнор поделился впечатлениями об этой встрече. В тот вечер Майнор записал в своем путевом блокноте, что Ленин казался ему прототипом всех обычных людей земли и в то же время все прочее словно блекло рядом с Лениным, хотя внешне сохраняло свое место и размеры.

Норт пишет, что Ленин подробно расспрашивал Майнора о рабочем движении в Америке. Майнор рассказывал ему, что именно демонстрация революционных рабочих и моряков Петрограда перед американским посольством помогла спасти жизнь героя рабочего движения США Тома Муни, брошенного в тюрьму в 1916 году.

Когда реакционеры в Калифорнии состряпали процесс против профсоюзных активистов во главе с Томасом Муни, страстная работа Майнора «Как фабрикуются судебные инсценировки» разоблачила технологию подготовки легализованных линчеваний.

С бесчисленными воинскими эшелонами Майнор колесил по дорогам потрясенной революцией и гражданской войной России. На Украине Майнор рассказывал крестьянам о техасских фермерах, возделывающих землю в таких же безбрежных степях. А женщина в белом платке, с ребенком на руках, у которого распух от голода животик, спросила его: «Скажи мне, брат, верно ли, что американцы пришли на нашу землю с

Детский труд. 1925 год.

КАПИТАЛИСТ И РАБОЧИЙ.

Капиталист: Эй, ты что, забираешь одну шестую часть мира?

Рабочий: Да, и работа еще не закончена.

1924 год.

Рисунки Р. Майнора.

пушками?» Вечером Роберт написал в своем блокноте: «Оправдать убийство вы никогда не сможете».

Майнор многое разъяснял заблуждавшейся американской общественности. Он писал в социалистической газете «Колл»: «Да, в России ужасный голод. Но голод этот вызван тем, что банкиры и в Париже, и в Лондоне, и в Нью-Йорке надеются хлыстом заставить русский народ подчиниться».

По пути на родину Майнора ждало немало испытаний. Он увидел в Берлине агонию немецкой революции. Через служебный вход он вошел в здание захваченной восставшими спартаковцами редакции газеты «Форвертс». Роберт говорил с мучениками революции, которые, наспех соорудив баррикады из рулонов газетной бумаги, знали, что жить им осталось недолго. Они взглянули на его массивную фигуру, приняли по одежде за русского и забросали вопросами о русской революции. Майнор еле успевал отвечать. А несколько часов спустя растерзанные тела его собеседников лежали в лужах крови на пепельно-серой берлинской мостовой.

Во Франции за правдивые рассказы Майнора о русской революции его схватили, обвинив в большевистской пропаганде среди солдат американского экспедиционного корпуса. Он провел часы между жизнью и смертью в тюремной камере-одиночке, догадываясь, что его приговорили к расстрелу. Так оно и было, и лишь вмешательство известного американского журналиста Линкольна Стеффенса, случайно узнавшего о приговоре, и возмущение решительно настроенных рабочих масс спасли Роберту жизнь.

Встреча с Лениным, изучение его трудов определили дальнейший путь Майнора. «Чтение этой работы,— писал он о ленинском произведении «Государство и революция»,—было событием в моей жизни. Я читал ее четыре раза». Майнор стал коммунистом и пришел работать в нищенски бедную, по меркам и понятиям газетно-журнального бизнеса, коммунистическую газету «Уоркер». «Уоркер» значит «Рабочий». А рабочую газету в Америке кормит не реклама монополий. Боб мерил крупными шагами тесную, темную комнату с шаткими стульями, подержанными, скрипучими письменными столами и пишущими машинками, взятыми напрокат. Разве можно здесь издавать газету? А в душе Майнора рождалось гордое сознание свободы. Свободы от подачек, свободы от обслуживания сытых, а значит, и свободы от лжи.

Южанин, чье сознание в детстве пропитывали расистскими предрассудками, стал одним из самых известных борцов за права негритянского народа. Не в возвращении в Африку спасение, яростно спорил он с негритянской националистической буржуазией. Негры—это американцы. Больше трех столетий они пахали, и жали, и строили; их сыновья умирали во всех войнах, которые вела Америка. И они заслужили право на полное и безусловное гражданство, а не на его жалкое подобие.

Публицистические статьи Майнора «Десять миллионов черных американцев» стали событием. Влиятельная негритянская газета тех лет «Амстердам ньюс» перепечатала его работы, чтобы объяснить точку зрения коммунистов. Тысячи людей, белых и негров, изучали их, и многие негры — рабочие, ветераны войны — вступили в партию, программу которой излагал Роберт Майнор.

В годы кризиса редактор коммунистической «Дейли уоркер» Роберт Майнор — участник походов безработных. В январе 1930 года на него волчьей стаей набросилась добрая дюжина полицейских. Роберта швырнули на землю и долго и жестоко избивали. Били ногами в лицо, в голову, в грудь, под ребра. Товарищам, рванувшимся на помощь, преградила путь конная полиция. А потом потерявшего сознание Боба бросили в подвал нью-йоркского «Сити-холл». И спасло Майнора от смерти только железное здоровье и душевная стойкость. Так случалось не раз и в тюрьме «Вэлфэр айленд» на Истривер и в штате Нью-Мехико.

В одном из городков этого штата, Гэллапе, забастовали горняки. Майнор вместе с юристом Давидом Левинсоном прибыл туда. Как-то вечером их автомобиль окружили подозрительные типы с револьверами в руках.

Бандиты принялись избивать «красных чужаков». Брошенный на дно машины, Роберт ухитрился спрятать под пропитанную кровью шляпу конверт с именами жертв полицейского произвола.

Забрав машину Майнора и выкрикивая угрозы, бандиты укатили. Майнор и Левинсон добрались до резервации индейского племени навахо. Индейцы переправили их в госпиталь. И первое, что сделал там полуживой Майнор,— сообщил в «Дейли уоркер» имена жертв террора.

1937 год. Майнор — корреспондент «Дейли уоркер» в Испании. В Мадриде он встретился с Хосе Диасом и Долорес Ибаррури. Товарищ Ибаррури сказала, что знает Роберта, читала его работы. А когда Майнор навестил американских добровольцев из батальона Линкольна, худощавый, черноглазый парень из Бруклина, медленно поднимаясь навстречу ему, сказал: «Сражающийся Боб! Я голосовал впервые в моей жизни в 1933 году, когда тебя коммунисты выдвигали в мэры Нью-Йорка, и я голосовал за тебя».

В Испании Майнор побывал на всех фронтах. «Мадрид сегодня — центр всего мира, и каждый знает это»,— писал он в одной из своих корреспонденций. Майнор понимал, что именно здесь решается вопрос, быть или не быть второй мировой войне, и призывал к единству антифашистов.

4 мая 1942 года в газете «Сан-Луис пост диспетч», той самой, где много лет назад Майнор начинал свою журналистскую деятельность, появился заголовок: «Лидер коммунистов настаивает на открытии второго фронта». Речь шла о Роберте Майноре.

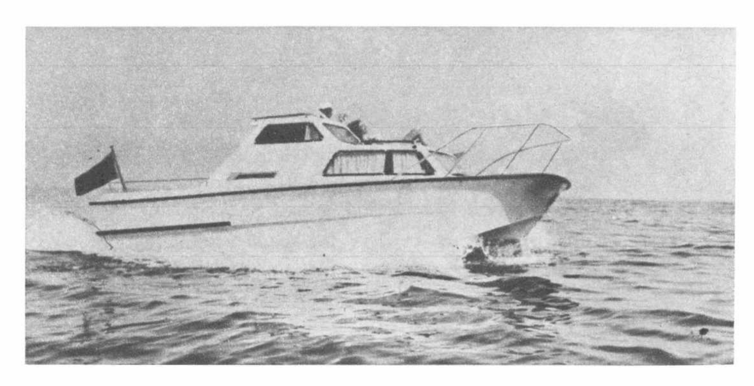
В последние месяцы жизни Роберт Майнор, тяжело больной, начал писать автобиографию. Работу прервала смерть.

Приход к коммунизму таких американцев, как Роберт Майнор, явление закономерное.

И не потому ли сегодня от молодых американцев прячут правду о тех, кем может и должна гордиться Америка?

Виктор ПРЕСС

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ

Катер «Нимфа» набирает ход.

МОСКВА

ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ О «НИМФЕ»?

Катер «Нимфа», белоснежный, красивый, стоит у причала, чуть покачиваясь на пологой волне. Его корпус, сделанный из стеклопластика, обладает повышенной прочностью, не боится коррозии, не требует ежегодной окраски. Это надежный в управлении, комфортабельный, быстроходный катер. Заработал стосильный двигатель, и «Нимфа» отошла от причала.

Самые разные товары народного потребления выпускает Министерство судостроительной промышленности СССР. Кроме сравнительно большого катера «Нимфа», из того же стеклопластика делают мотолодки для прогулок, туризма, рыбной ловли, охоты, для любителей водного спорта на реках, озерах, водохранилищах. Все мотолодки, как и «Нимфа», непотопляемы, потому что при их изготовлении в корпуса монтируют блоки плавучести из пенопласта.

— Наши предприятия выпускают и другую продукцию, которую принято называть — товары широкого потребления,— говорит начальник отдела внешних поставок и товаров народного потребления Министерства судостроительной промышленности СССР К. А. Козлов. — Тут и киноаппараты «Киев-16-У», и телевизионные комнатные антенны «Маяк», и оригинальные сувениры, и современная красивая мебель, и фены для сушки волос «Улыбка», «Лилия». Скоро поступит в продажу усовершенствованный фен «Лада», очень удобный и изящный.

Стараемся улучшить качество этих товаров. Катер «Нимфа», например, по праву стоит в одном ряду с лучшими иностранными образцами судов подобного типа. Стабилизатор напряжения «Вега-70» для телевизоров вызвал интерес зарубежных торговых фирм.

Международное признание приобретает и наш электрофон «Корвет».

А. ГОЛИКОВ

●

Работница химфармзавода Любовь Бесшейко.
Фото автора.

ХАБАРОВСК

КОНКУРИРУЯ С ХИМИКАМИ

В Юго-Восточной Азии говорят так: «Нет такого растения, которое не было бы лекарственным, и нет такой болезни, которую нельзя было бы вылечить растением».

Более 500 видов лекарственных растений дает Советский Дальний Восток. Дары природы служат нашей медицине так же, как и химические препараты. Хабаровский химико-фармацевтический завод изготовляет экстракты женьшеня, заманихи, лимонника.

В. КУЗНЕЦОВ, собкор «Огонька»

ДОМ, ГДЕ ВСЕГДА ПРАЗДНИК

Под крышей Дворца культуры минских камвольщиков живут народный театр, народный хор, народный ансамбль танца, народный оркестр.

Многочисленные афиши зовут молодежь на спектакль, на заседание клуба эрудитов, на лекцию об итальянском кино, на встречу ребят с ветеранами войны, на диспут...

Каждый день что-то интересное и новое. Каждый день что-то полезное и увлекательное. На комбинате сейчас никто не может представить, что когда-то жили без Дворца культуры, обходились красными уголками в общежитиях, арендованным залом ближней школы, освобождавшейся вечерами комнатой фабричного комитета... Ныне комбинат не мыслится без Дворца культуры так же, как без основных цехов, без служб, управляющих огромным, сложным производственным организмом.

Но мало того, что у комбината есть Дворец. Мало того, что он открыт каждый день. Во Дворце каждый день — праздник. И тогда праздник, когда вчерашних учеников посвящают в рабочие, и тогда, когда ткачихам, электрикам, мастерам вручаются удостоверения артистов народного театра, и когда долго не отпускают лектора, открывшего своим слушателям что-то важное в нашей удивительной, вечно обновляющейся жизни, и когда маленькие художники из здешней студии получают дипломы международной выставки...

Праздники... Их здесь умеют задумывать и готовить. И главное, мне кажется, что эту праздничную тональность создает стремление привлечь во Дворец вообще всех, кто работает на комбинате, найти для всех полезное, умное занятие... И еще одно, очень важное обстоятельство: здесь не гонятся за платными мероприятиями, не поклоняются финансовому плану, хотя, конечно, не забывают и о нем. Здесь во всем ищут главное: воспитательный смысл — ему все подчиняется, им все мерят. В подтверждение назову несколько цифр. В семьдесят первом году во Дворце прошло 74 спектакля-концерта; на них побывало по пригласительным билетам почти 12 тысяч человек. И еще цифра: комбинат из своих фондов (экономическая реформа в действии!) в прошлом году отпустил Дворцу 25 тысяч рублей. И, наконец, последняя, очень важная цифра: во Дворце 22 творческих коллектива, где постоянно занимаются взрослые и дети.

На комбинате и во Дворце умеют поддерживать и развивать таланты. Все знают, как в танцевальном коллективе раскрылось дарование прядильщиц Нади Шашок и Тани Янчик. Все оценили незаурядные актерские способности транспортировщика Сергея Желудько, токаря Георгия Грамовича, мастера Евгения Балакина. И всегда становятся праздником все новые и новые дебюты, удачные выступления на смотрах певцов и музыкантов, актеров и танцовщиков...

Дворец может гордиться щедрой отдачей. Правда, ее не выразишь процентами, метрами, рублями. Но она велика и ощутима. Директор комбината Мария Степановна Кононова уверенно говорит, что огромная роль принадлежит Дворцу культуры в положительных сдвигах последних лет, когда, скажем, с 1966 года производительность труда выросла на 52 процента, убавилась текучесть рабочей силы, меньше стало нарушителей трудовой дисциплины.

Успехи Дворца объясняются прежде всего тем, что дирекция, партийный, профсоюзный и комсомольский актив считают его важнейшим участком работы. С лекциями в народном университете выступают руководители предприятия; они принимают участие и в работе клуба выходного дня, и в вечерах трудовой славы, и в экономических чтениях... Ценно и то, что вся деятельность Дворца рассматривается в связи со всеми остальными проблемами комбината — в первую очередь проблемами социальными.

— Мы, конечно, хотим, чтобы никто из коллектива не проходил мимо Дворца,— говорит Мария Степановна,— но хотеть мало. Надо создавать для этого условия. И мы создаем. На комбинате много детских учреждений, работает стол заказов, строится великолепная поликлиника и профилакторий, скоро будет открыта еще одна столовая. Мы добиваемся улучшения работы механических прачечных и мастерских бытового обслуживания в нашем районе. Это все — в пользу Дворца, который помогает нам решать большие задачи пятилетки.

А. ЩЕРБАКОВ

Светлана Астапенко и Галина Спиридович (инструментальный ансамбль «Зарянка»).

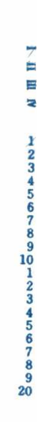
Фото М. САВИНА.

Школьница Ира Ажар, участница детского танцевального коллектива.

Немало ребят с увлечением занимаются в изостудии.

Людмила Бондарь в спектакле А. Арбузова «Годы странствий».

Авиамоделист Коля Ярошевич.

Русская пляска.

«Снегурочки».

Молдавский танец исполняют Вадим Ильмувья и Инна Воронкова.

Красные следопыты у макета партизанской землянки.

Нина Наумова и Олег Скоромный в самодеятельном спектакле «Республика на колесах».

Интервью директора Горьковского автозавода И. И. Киселева «Юность «Волги» («Огонек» № 1 1972 года) и репортаж-отчет о встрече в редакции нашего журнала («Углы круглого колеса» — «Огонек» № 47 за 1970 год) вызвали читательские отклики. Внимание к этим выступлениям понятно: на дорогах страны наступают уже не часы, а месяцы пик. Автомобиль властно вторгается в нашу жизнь, занимая в ней все большее место.

В течение девятой пятилетки намечается продать населению 2 миллиона 600 тысяч легковых автомобилей. Год от года растет их производство. Если в нынешнем, 1972 году предполагается выпустить 728 тысяч легковых машин, то завершающий пятилетку 1975 год даст 1 миллион 260 тысяч легковых автомобилей.

ДОРОГА, АВТОМОБИЛЬ, ВОДИТЕЛЬ

УГЛЫ КРУГЛОГО КОЛЕСА

* * *

Многочисленные отклики читателей, письма руководителей министерств и ведомств можно разделить на три основные группы: одна — о дорогах, другие — о запасных частях и об автосервисе.

ТЕМА № 1 — ДОРОГИ. На плохое качество некоторых дорог сетуют руководители автохозяйств, колхозники, жители городов да и те, кто работает в пригородах. Москвич П. Орловский, справедливо замечая, что «бездорожье тормозит развитие народного хозяйства и доставляет страдания», приводит убедительные факты и цифры. Н. Михайлов со Ставропольщины рассказывает, как улучшились дела в колхозах, когда асфальт пришел к фермам. Там, где дорогам уделяется должное внимание, они оплачивают это сторицей. В частности, интерес представляет положительный опыт строительства сельских дорог, накопленный в Донецкой области. Подчеркивая выгоду, которую дают колхозам хорошие дороги, И. Морушенко из Донецка сообщает, что в районах асфальт потянулся к фермам благодаря народным стройкам, широкому использованию местных материалов. До сего дня не потерявший актуальности призыв «ударим по бездорожью» содержится почти во всех письмах читателей. Подчеркивая, что в последнее время наметились добрые перемены — начинается строительство новых дорог и в сельских и в промышленных районах,— читатели тут же замечают: асфальтовая лента — это лишь полуфабрикат. Только хорошо обустроенное дорожное полотно можно назвать современной магистралью!

Это уже **ТЕМА № 2 — ДОРОЖНЫЙ СЕРВИС.** Речь идет и о строительстве станций обслуживания, о добротно оборудованных бензозаправочных колонках, о кафе, о стоянках. Вот что пишет инженер-автомобилист М. Фрейдлин: «На 10-тысячекилометровой трассе моего путешествия я мыл автомобиль у рек, озер, возле луж, колодцев, водоразборных колонок. Почему на дорогах нет специальных моечных станций?! Это же не сложное инженерное сооружение, а обычная смотровая канава плюс мойка. А если к этому бы еще киоск с маслами и набором запасных деталей...»

Для безопасности движения большое значение имеет разметка дорог, хорошо видимые при любой погоде дорожные знаки. Участники совещания в редакции, а вслед за ними и читатели в своих письмах высказали немало упреков в адрес химиков. Министр химической промышленности СССР Л. Костандов сообщил редакции о работах, направленных к улучшению автодорог: «На Ростовском химзаводе организовано производство светоотражающей пленки для изготовления дорожных знаков и ограждений... Рассматривается вопрос об увеличении мощностей по производству пленки в два раза и строительстве нового цеха». Разработана и испытывается светоотражающая ткань — она необходима ремонтникам, сотрудникам служб безопасности движения. К сожалению, в недостаточной мере увеличивается производство краски для разметки дорог.

Заместитель министра транспортного строительства СССР Н. Литвин пишет нам, что размах строительства автомобильных дорог сдерживается недостаточным обеспечением дорожно-строительных организаций материально-техническими ресурсами. «Для повышения качества дорожного строительства Минтрансстроем разработаны новые нормы проектирования автомобильных дорог, а также новые методы устройства дорожных покрытий капитального типа. На дорожных стройках министерства широко внедряются достижения науки».

Продолжает вызывать нарекания автомобилистов деятельность станций технического обслуживания. При этом возникает и разговор о третьей актуальной проблеме — **ЗАПАСНЫЕ ЧАСТИ.** Приобрести крыло для «Волги-21» или для «Москвича-401» — почти неразрешимая проблема. Начальник Всесоюзного объединения промышленности стекловолокна и стеклопластиков В. Катаев сообщает редакции, что заводы объединения — Бердянский, Ступинский и другие — осваивают изготовление крыльев из стеклопластиков для «Москвичей» и «Волг» прежних выпусков. Стеклопластиковые крылья для «Волги-21» промышленность уже предлагала торговле на недавней межреспубликанской оптовой ярмарке. В некоторых магазинах появились в продаже такие крылья. Но пока еще тиражи этих изделий невелики.

«Основная причина отсутствия запасных частей на станциях технического обслуживания и в торговой сети — недостаточный выпуск их промышленностью по важнейшей номенклатуре»,— отмечает начальник отдела Министерства торговли СССР П. Капитонов.

Ленинградец Б. Михеев и другие читатели справедливо указывают: работники автомобильной промышленности должны сделать все, чтобы не было места для стандартного ответа: «Запасных частей нет». Представляется, что уже сейчас есть возможность установить обязательный ассортимент запасных частей, которые всегда (именно всегда!) должны быть на станциях и в магазинах. Владелец автомобиля должен быть уверен: эти детали он всегда сможет купить. В обстоятельном письме из ленинградского клуба автомототуристов говорится: автолюбитель, не уверенный в возможности приобрести запчасти в момент, когда они ему потребуются, покупает любые, когда они попадаются. В результате замораживается громадное количество запчастей. Авторы письма замечают, что промышленность часто не выдерживает правильного соотношения между производством отдельных запасных частей и узлов в сборе. Почти всегда можно купить тормозные цилиндры в сборе, но вот резиновые уплотнители практически купить невозможно.

Начальник главного управления «Укрглававтотехобслуживание» В. Кирюхин прислал редакции свои замечания о работе станций технического обслуживания. Автор ведет речь о трудностях, с которыми встретились на Украине организаторы автосервисных служб, о том, как эти трудности преодолеваются. Обстоятельно рассказывая о достигнутых успехах — а они есть,— тов. Кирюхин, к сожалению, в слишком общей форме говорит о недостатках. «Не изжиты еще полностью случаи волокиты при приемке автомобиля в ремонт, завышения стоимости ремонта против прейскуранта, некачественного ремонта или покраски автомобиля, грубого обращения с клиентом и длительного простоя автомобиля в ремонте». Думается, что подобный разговор «вообще», без адреса, без указания конкретных виновников плохого обслуживания автомобилистов, не поправит дела.

В РСФСР сейчас строится 330 станций технического обслуживания. Руководство «Росавтотехобслуживания» стремится комплексно решать проблему. Однако до сих пор на некоторых станциях встречаются грубость, бескультурье. Об этом пишет нам москвич Л. Иноземцев и подтверждает это фактами из практики работы московской станции № 7.

Может, настало время ставить вопрос так: какие-то отчисления от проданного автомобиля должны идти на автосервис? Работники заводов должны быть заинтересованы в том, чтобы гарантийное обслуживание велось квалифицированно.

...Мы не заканчиваем разговор на актуальную тему еще и потому, что пока не имеем возможности рассказать о том, что практически делает для улучшения автомобильного сервиса специальное управление Министерства автомобильной промышленности СССР. Руководители главка были в редакции, затем прислали нам хорошие планы. Но пока так и не сообщили, что уже сделано, что будет сделано в нынешнем году, что — за пятилетие.

Читатель вправе знать об этом...

К. БАРЫКИН,
Ю. КРИВОНОСОВ

О СЕБЕ И СОВРЕМЕННИКАХ

Фото Д. УХТОМСКОГО.

Если у зрителей, посмотревших спектакль «А зори здесь тихие...» Театра драмы и комедии на Таганке, и могли возникать споры и расхождения, положим, в оценке оформления спектакля или самой его постановки, то в одном мнения зрителей полностью совпадали: актеры театра прекрасно справились со своими ролями. И прежде всего это относилось к Виталию Шаповалову — исполнителю главной роли — старшины Васкова.

Образ, созданный актером, символичен: мы видим русского воина-героя с его ненавистью к врагу и любовью к Отечеству. И в то же время он строго конкретен: перед нами старшина Васков, единственный и неповторимый, как всякий человек, со своими достоинствами и недостатками.

Как же удалась молодому артисту сложная роль? И каково мироощущение Виталия Шаповалова, в чем он черпает свои творческие силы?

Мы застали Виталия в гримерной в перерыве между дневным и вечерним спектаклями.

— Скажите, Виталий, образ Васкова напоминает как-либо вашу биографию, близок ли он вашему отношению к жизни?

— В Васкове меня прежде всего покорили простота, искренность и теплота к людям... Сам я вышел из шахтерской семьи. Жил среди шахтеров. Когда работал над ролью, то вспоминал их, людей, бесхитростных и добрых, в большинстве своем прошедших войну. Вспоминал, как улыбались эти, много пережившие на своем веку люди, как говорили о своей работе... Хотел, чтобы мой Федот Евграфыч Васков отразил на сцене их черты.

Васков близок мне и биографически. Он почти что мой ровесник: в этом году мне тоже исполнится тридцать два года. Он, так же, как и, рос без отца. Я давно уже говорю о Федоте, как о живом, реальном человеке. Эта роль дорога мне и потому, что, работая над ней, я думал о своем отце. Я плохо помню его. Мне было немного лет, когда с фронта пришла похоронная... Сохранились фотографии.

Бывает, когда актеру поручена главная роль и он напряженно, не уходя со сцены, работает весь вечер, то после спектакля наступает спад, сказывается усталость, и человек уходит из театра опустошенный, будто что-то потерявший. Мой же герой сообщает мне каждый раз большой заряд жизненной энергии. Иду домой с мыслью, которая меня всегда радует: через несколько дней снова встреча с Евграфычем... Как видите, герой много значит не только в моей работе, не только в творчестве, но и вообще в моей жизни...

— Каким вы сами видите своего Васкова?

— Федот Евграфыч с виду неуклюж, неловок. Особенно вначале, когда он только что принял под свое командование два отделения зенитчиц — озорных, красивых девчат. Первые дни Васков не знает, куда прислонить себя, как найти с девчонками общий язык, как бы случаем не обидеть их нечаянной мужицкой грубостью. Ведь образования-то всего четыре класса... Поэтому, остерегаясь собственных нелепостей, старшина говорит в основном только уставными фразами, чтобы чего-нибудь лишнего не ляпнуть, не оказаться перед девчатами «пеньком замшелым». Но он подвижен, мудр, силен и бесстрашен, когда девушкам угрожает опасность. Преображается этот человек, нежно и заботливо хлопочет вокруг своих подопечных. И притом он разный: веселый и грустный, строгий и добрый... Да что говорить, часами могу рассказывать о нем.

— А как воспринимают спектакль молодые зрители, каков, так сказать, моральный эффект?

— Самые разные по возрасту зрители, не только молодежь, очень хорошо относятся к спектаклю. Мы же старались сделать его не в тоне назидания, а просто: вот так было... Пожилые люди говорят: правильно показано, ради чего мы воевали... В конце повести Бориса Васильева, по которой сделана постановка, Васков, раненный, усталый, в отчаянии задает умирающей девушке вопрос: когда наступит мир, «будет ли понятно, почему вам умирать приходилось...»? Значит, это становится понятно.

Молодежи, конечно, есть над чем задуматься. Так ли я живу, как надо бы? Так ли строю свою жизнь? Что думаю? Все ли сделал, чтобы быть полезным обществу?.. Эти вопросы обязательно должны возникнуть у молодого зрителя. А у некоторых юношей и девушек — не без основания...

Иногда сталкиваешься в нашей сегодняшней жизни с легкомыслием, равнодушием. Есть у нас еще такие молодые люди, которым ничего не надо, ничто не интересно, все наскучило. Они не пытаются понять, что и в повседневной жизни есть и будут сложности и конфликты, что надо преодолевать их без чьей-либо помощи... От лености и равнодушия один шаг к опустошенности и духовной нищете. Тогда и возникают хулиганство, тунеядство, пьянство. В этом отношении чрезвычайно характерно широко распространенное явление на Западе — «хиппи». Если вначале оно возникало как своеобразный, пассивный социальный протест против буржуазной действительности с ее лицемерной моралью и хищнической идеологией, то потом хиппи переродились в толпу длинноволосых кочующих бездельников, нерях и наркоманов, обрядившихся в модные якобы тряпки и лохмотья. Появились и у нас ребята, падкие до западной сенсации. По-моему, это просто не уважающие себя люди. Для их существования у нас элементарно нет почвы, и юношеская возрастная болезнь нынче пошла на спад...

Что же касается моды, то я не против длинных волос, современных одежд и популярных танцев. Мне нравится, когда на мне красивый, модный костюм. Но это не должно быть самоцелью.

— Какие главные принципы должны, по вашему мнению, лежать в основе жизни молодого современника?

— Нравственные проблемы, по-моему, тем более усложняются, чем дальше движется, развивается жизнь. Она заставляет людей думать о том, что их окружает, быть не пассивными членами общества, не потребительски относиться к действительности... Когда материальных благ становится все больше, люди порой начинают успокаиваться: мол, я всего достиг, все у меня есть, чего еще надо...

Думаю, человек не имеет права застывать на одном месте — в этом тоже проявляется равнодушие. Надо жить и совершенствоваться вместе со всем, что окружает тебя, что происходит вокруг. И бороться с тем, что мешает движению общества вперед. Особенно касается это молодежи, не знающей войны, а честно говоря, вообще почти никаких горестей не знающей...

Стремление найти свое место в жизни, понять ее смысл, непрестанно улучшать ее — вот что важно. Я точно знаю, что успокоенность в нашей, например, работе равносильна творческой гибели.

— А что вы можете сказать о молодежи вашего театра?

— Мне неудобно хвалить своих же коллег, вместе с которыми пришел в театр. Скажу только, что ребята работают, не жалея сил, темперамента, ума, таланта, нервов... И все для того, чтобы зритель понял и поддержал их, чтобы не был безразличен.

У нас вообще очень много молодежи в труппе. Мы ездим на гастроли, даем шефские концерты на заводах, в воинских частях.

— Вы пришли в театр после окончания Щукинского училища. А что было до этого?

— Хотел стать музыкантом. Даже закончил музыкальное училище по классу трубы. Родился я и вырос в Ватутине, на Украине. Там и сейчас живет наша семья. Старший мой брат — шофер и заодно руководит у себя художественной самодеятельностью. Сестра работает на заводе, а младший брат — шахтер. Недавно мать газету прислала из Ватутина: хвалят брата за хорошую работу в забое.

После музыкального училища попал я в армию. Пока служил, все три года играл на трубе, в военном оркестре. И вдруг понял каким-то шестым чувством, что настоящего музыканта из меня не выйдет, а средним оставаться ни к чему.

— Как же вы познакомились со сценой?

— Лет в десять я начал участвовать в самодеятельности. Потом — драмкружок в музыкальном училище, пел сатирические куплеты, играл на гитаре, ездил с агитбригадой на гастроли. Но после армии не захотел больше выходить на эстраду; вспомнил, как однажды знакомый артист сказал: тебе бы на театральную сцену... Тогда я посмеялся, а тут подумал: может быть...

Это, конечно, не значит, что я в ту же секунду помчался в Москву — поступать в училище. Я понимал, на что иду. А позже хорошо узнал, каких качеств ждет от человека этот невероятно сложный путь: он требует терпения и преданности своему делу, самоотверженности и умения стойко переносить как неудачу, так и успех. Самого главного требует — таланта...

— С какими трудностями вы столкнулись в театральном училище? Или их не было?..

— Все трудности, наверное, были во мне самом. Поступил я сразу, минуя первый и третий туры (таких счастливцев было пятеро), в класс замечательного преподавателя, профессора Анны Алексеевны Орочко. На первом курсе только сидел и смотрел на других. Все мне казалось странным: этюды, уроки танцев и так далее... Меня не торопили. Через год я и сам зашевелился: Ляпкин-Тяпкин в «Ревизоре», главная роль в «Шторме»...

А потом случилась беда: умерла Анна Алексеевна. Я перестал было на занятия ходить: казалось, все кончено, актера теперь из меня не получится... Но опомнился. Именно память о любимом педагоге заставила взяться за ум.

— А как вы оказались в Театре драмы и комедии?

— В студенческих спектаклях мне приходилось петь, играть на гитаре. Это, наверное, и пригодилось...

— С чего же вы начали?

— На мой взгляд, с самого трудного — с поэзии. Маяковский в «Послушайте!», есенинский Пугачев в одноименной постановке. Потом еще несколько ролей, и, наконец, Васков...

— Собираетесь ли вы сниматься в кино?

— Конечно, но не в ущерб театру! Никогда не смогу променять театр на кинематограф. А вообще это интересно: смотреть на себя со стороны собственными глазами, контролировать себя.

— Какие фильмы последних лет вам запомнились?

— «Председатель» и «Твой современник». Тут, пожалуй, наиболее ярко раскрываются важнейшие современные проблемы.

Мне-то и хотелось бы больше всего сыграть своего современника.

Я понимаю, что не оригинален в своем желании. Но представляю себе, как это увлекательно: раскрыть становление нынешнего характера, его возмужание, обретение зрелости... И пусть этот характер будет сложный, даже неровный. Пусть этот пока неведомый мне герой ищет себя, совершает ошибки, находит... Главное, чтобы он волновал и меня и зрительный зал, помогая среди многих разных голосов услышать истинный голос нашего времени.

Беседу вела Н. АЛЕКСЕЕВА.

Валентин СОЛОУХИН

ЛАМПОВЩИЦА

* * *

Ламповщица Самохина Дарья
Бедова! И красивее всех.
У окна ее вечно парни
Поднимают друг друга на смех.
А она на них ноль внимания,
Выдает
    одинаковый свет.
— Дарья, Дарьюшка!
В знак признания
Дай мне «зорьку».
— Для вас «зорек» нет!..

По забоям пласты
Затаились покатые,
По забоям мигают огни у парней,
Каждый мыслит, что он
Ламповщицу засватает,
Каждый мыслит, что женится
    скоро на ней.

Ну, а Дарья не грезит
Совсем о замужестве.
Дарье рано еще —
Слишком выбор велик,
И пока от любви
Голова не закружится,
Будет Дарья показывать
Хлопцам язык:
Дескать, все вы смешные
И все одинаковые,
Зубы скалить привыкли,
А я не про вас!
И подруги, завидуя,
Дарье поддакивают:
— Ну и Дарья! Бедовая
Девка у нас!..

Парни тоже хохочут,
Довольные девкой:
— Ладно, пусть задается
До лучшей поры...
У окна ее сыплют
Лихие припевки.
О ножовки звенят
У парней топоры.
Но однажды придется
Парням опечалиться,
Когда Дарьино слово
Обдаст холодком...

А сейчас им всем в радость
Ламповщица-начальница,
А пока вся бригада
Торчит под окном...

ЖИВУ В ЛЕСУ...

Живу в лесу, средь тишины
У партизанского погоста,
Где, Родина, твои сыны
Лежат под каждою березкой.

Я в непогоду по ночам
Хожу к ним в гости,
    как к знакомым:
Послушать шепот у ручья,
Печальный шум листвы зеленой.

Я здесь не слышал соловья,
Здесь плачут иволги и совы,
И в чьи-то дальние края
Кому-то плач их адресован.

Вот, нежной грустью окружен,
Иду вечерним полумраком.
Там, на погосте, каждый холм
Березой белою оплакан...

ОЖИДАНИЕ

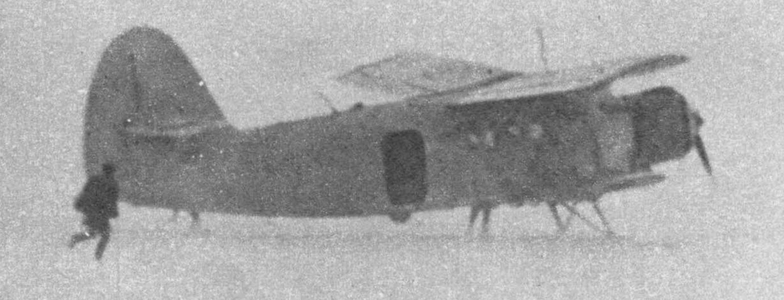
Все дни и все недели напролет
Погода скверная — холодный дождик льет.
В избе натоплено, и сонные,
    как мухи,
Жужжат бессмысленно слова больной
    старухи.
Она давно готова помереть,
Да в непогоду некрасива смерть.—
Не все придут проститься на погост...
Причина веская, и смысл ее непрост.
Жизнь отшумела в праздники и будни,
Был добрый человек — пусть пожалеют
    люди.
Все дни и все недели напролет
Погода скверная — холодный дождик льет...

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег еще пахнет дождем.
Желтый луч на востоке проклюнулся.
Полукругом седой окоем
Посветлел над притихшею кузницей.

И зима и метель впереди.
Вот снегирь на кусте на рябиновом
Индевелую гроздь теребит
И роняет по ягодке с инеем...

Тишь в деревне,
    осенней страды
Дни окончены и позабыты.
За деревнею зайцев следы
Да опавшие листья ракиты.

БОЛЬНОЙ НА БОРТУ! ВЗЛЕТ!

Фоторепортаж Б. КУЗЬМИНА.

Помощь пришла вовремя...

Попутная почта.

Бортхирург П. Солостей первым выскочил из самолета. Скорее к больному!

Едва утихла пурга — вертолет улетает к больному.

Мурманск. На столе у авиатора А. В. Сарычева телеграмма: «Прошу срочно самолет оказания помощи больному...» А за окном — пурга. Куда уж тут лететь, санитарный самолет и на земле-то, глядишь, с расчалок сорвет.

И все же утром, едва рассвело, меня разбудил торопливый вопрос: «Так вы с нами! Сейчас взлетаем». Собравшись, вслед за летчиками выскакиваю на поле.

Сколько снега кругом! Пурга чуть-чуть стихла. Поторапливаемся к маленькому «Ан-2». Видно, «Аннушка» все время поддерживалась в готовности к полету — плоскости очищены от снега, двигатель прогрет. Захлопывается дверь кабины, самолет катится по полю. Короткий разбег, и мы уходим в воздух...

Почти все места в пассажирской кабине самолета пустуют. Летим вдвоем — бортхирург Мурманской областной больницы П. А. Солостей и я, фотокорреспондент, для которого сегодня сделано исключение: в санитарный рейс посторонним летать запрещено. Из-за шума двигателя трудно разговаривать, а мне хочется узнать у хирурга, почему он так легко одет. Короткое городское пальто, легкие полуботинки. Я-то думал, что санавиация обязательно летает в тулупах, валенках, и сам поэтому влез в тяжелую шубу.

Внизу показался большой, весь в дымах печных труб поселок Ловозеро. Мы приземлились, но ненадолго — лишь для того, чтобы взять на борт ловозерского врача Н. П. Шамляна и медсестру В. И. Шурату. Странно, они тоже одеты так, словно собрались на городскую прогулку, а не в полет в глубь тундры.

Погода снова портится, мгла прижимает самолет к земле. Командир Г. П. Петренко вдруг резко рвет штурвал на себя. «Аннушка» словно подпрыгнула, чуть не сбросив нас на пол, а внизу промелькнула верхушка скалы. Если бы не санитарный рейс, нас ни за что не выпустили бы сейчас...

В Сосновке — прибрежном поселке — самолет приземлился почти у самых домов. Нас уже поджидал местный фельдшер. Вот где пригодилась врачам легкая одежда — они бегом бросились к поселковому медпункту. Я в толстой шубе едва поспевал за ними. А Петренко кричал вдогонку: «Не больше двадцати минут, а то пурга накроет!» Со стороны моря шла темная, грозная стена облаков.

Не теряя времени, осмотрели больного оленевода Сашу Юлина. Диагноз — острый аппендицит. Лица у всех озабочены — состояние тяжелое. Через пять минут широкие розвальни с предельной скоростью спешили к самолету. Двигатель «Аннушки» не выключался, летчики, экономя время, руками развернули самолет и колотушкой отбили примерзшие лыжи. «Больной на борту! Взлет!» Едва оторвавшись от земли, самолет словно провалился в снежную мглу... Через восемьдесят летных минут плюс десять минут гонки на «Скорой помощи» больной лежал на операционном столе. Последние снимки в операционной я делал еще холодной, запотевающей с мороза камерой.

Готовятся к вылету.

Я собиралась в командировку, чтобы написать о труде сотрудников исправительно-трудовых колоний — ИТК.

Один из руководителей Министерства внутренних дел СССР посоветовал написать о женской исправительно-трудовой колонии — ИТК.

— Хотя женские ИТК составляют весьма незначительный процент в системе исправительно-трудовых учреждений МВД СССР, думается, сотрудники этих колоний заслуживают того, чтобы рассказать об их нелегком труде,— напутствовал он меня.— Вот, например, начальник женской ИТК в Харьковской области Евгения Васильевна Новикова.

...На вопрос, сколько лет служит в органах внутренних дел, Новикова ответила: «Ровно тридцать лет и три года». С того дня, когда ее, выпускницу строительного техникума, послали «прорабом на объект НКВД». А потом стала начальником лагеря, где содержались уголовники. Работала на Севере, во время войны — на строительстве дороги к осажденному Ленинграду. В 1944 году Евгения Васильевна попросила, чтоб ее отправили на восстановление разрушенных фашистами городов. И с тех пор она здесь.

Здесь у нее уже после войны родился третий сын. Здесь она, ни на день не прерывая работы, окончила педагогический институт.

...Мы ходили с Евгенией Васильевной по колонии, и она рассказывала о распорядке дня, труде, жизни здешних обитателей. Общежития, школа, клуб, баня, прачечная, библиотека, ларек...

— Евгения Васильевна, а как происходит сам процесс исправления, перевоспитания преступников? Конечно, это дело не одного дня, но, может быть, на примере чьей-либо жизни...

Разговор происходил вечером. Новикова сидела за письменным столом в своем рабочем кабинете. С ней приятно беседовать, потому что она умеет слушать и умеет говорить: просто, доказательно, логично.

— Хорошо,— улыбнулась Евгения Васильевна,— расскажу. Было это в начале пятидесятых годов. Работала я тогда заместителем начальника колонии, работала под руководством Леонида Макаровича Трастовского.

Начальник исправительно-трудовой колонии Е. В. Новикова и ее заместительница Т. П. Рукавишникова.

Фото Б. КУЗЬМИНА.

ПОСЛЕ СУДА

Татьяна **КОПЫЛОВА**

Шел прием вновь прибывших заключенных. И, как всегда, в кабинете Трастовского собралась администрация, чтобы решить, в какую бригаду на какую работу определять новеньких.

— Трощалова,— вызвал контролер.

В кабинет вошла худощавая женщина лет тридцати. Из-под платка выбилась неопрятная прядь каштановых волос. Зыркнув глазами по сторонам, неторопливо направилась к окну. Подошла, привалилась к подоконнику, демонстрируя полное безразличие к присутствующим. Запахнула телогрейку без единой пуговицы, и в просвете левого рукава мелькнула культя.

— Что с рукой?— вырвался у Евгении Васильевны участливый вопрос.

— А вам какое дело?

— Как вы разговариваете? Разве не знаете, куда попали?— строго заметил Леонид Макарович.

— Очень даже знаю,— огрызнулась заключенная и вдруг, шагнув к столу, схватила мраморное пресс-папье, замахнулась.— А такое чуяли, гады?

Но ударить не успела: контролер мгновенно вмешался.

— Для начала — трое суток штрафного изолятора,— подвел итог беседе Леонид Макарович.

...С полатей Трощалова нехотя, но все же поднялась:

— Не ожидала, гражданка начальница, что пожалуешь.

— Мы ведь не договорили, Трощалова. Вы так и не ответили на мой вопрос,— спокойно начала Евгения Васильевна, будто и не заметила намеренного «тыканья».— Что с рукой? Может, помощь нужна?

— Что? Помощь? Да если хотите знать... Я сама... Сама отрубила.

— Какое несчастье!

— Несчастье? Да я нарочно!— И сразу осеклась.

— Что вы, как это можно—нарочно себе руку отрубить?— расспрашивала Евгения Васильевна, хотя сама уже догадывалась, в чем тут дело: воровка «в законе» в знак верности воровскому принципу — никогда не работать — искалечила себя.

— Значит, вы клятву кому-то дали?— спросила негромко Евгения Васильевна.

— Мне некому клятвы давать,— не сдержавшись, резко бросила Трощалова.

— Хотите сказать, что сами — руководитель? Во всяком случае, уж когда уродовали себя, руководителем не были. А тот, кто вас к этой мысли привел, сам, небось, о двух руках? А? Молчите. Верно, и раньше поняли жестокость воровских законов, только признаться самой себе не решались. Страшно.

— Ничего мне не страшно! И не агитируйте! Не выйдет! И никто мне не нужен.

...Евгения Васильевна приходила в изолятор по нескольку раз в день. Трощалова уже разговаривала спокойнее, рассказала о том, эта судимость у нее седьмая.

Изолятор она покинула утром, а после обеда к Евгении Васильевне прибежала сотрудница и сказала, что Трощалова буянит, избила новенькую.

— За что?

— Не говорит.

Трощалова сидела в углу, злобно насупившись. Но едва Евгения Васильевна переступила порог, поднялась. («И то слава богу, здоровается!» — мелькнула мысль.)

— Почему напали на заключенную?

— Так. Старые счеты.

— А причины?

— Кроме нас, никого не касаются. И не пытайтесь узнать.

— Ну что, Трощалова, неужели в изоляторе понравилось?

— Вы, гражданка начальница, небось, знаете: ничего я не боюсь. Можете опять сажать.

— Какой же толк наказывать, раз на вас не действует? По-другому поступим: вы мне слово дадите больше драк не учинять.

Та хмыкнула:

— Могу. Драк не будет. Не нужны мне больше драки.

— Тогда идите.

Женщина медленно направилась к двери, Евгения Васильевна смотрела ей вслед и думала, что одержала хоть и маленькую, но еще одну победу. Однако радоваться было рано. Наутро вчерашняя потерпевшая не вышла на работу.

Теперь Евгении Васильевне стала ясна причина драки. Трощалова наказала товарку за то, что та пошла на фабрику. Понятен стал и смысл фразы: «Не нужны мне больше драки». Конечно, не нужны: теперь, увидев и оценив ее силу, ей будут подчиняться.

Евгения Васильевна пригласила Трощалову к себе в кабинет. Заключенная вошла и остановилась у порога.

— Здравствуйте, проходите, садитесь... Откуда вы родом?

Та удивилась вопросу. Не ожидала. Ответила, запнувшись, будто вспоминая давно забытое:

— Смоленская.

— Ну?.. И я тоже. Не верится. Там люди добрые живут.

И тут же Трощалова вновь замкнулась, не поднимая глаз, проговорила:

— Не покупайте меня, гражданка начальница, на дешевку. Сами видели, какой я добрый человек...

— Да я же не о вас, о смоленских своих...— Евгения Васильевна почувствовала, что эта тема затрагивает, интересует, беспокоит собеседницу. Вспоминала о своем детстве, о деревне. Рассказала об односельчанах, о семье. Чувствовала, что Трощалова уже с трудом сохраняет видимость равнодушия, что и ей, как это бывает в разговоре, хочется поделиться своими детскими воспоминаниями. Но пока заключенная молчала. А Евгения Васильевна продолжала неторопливо...

И вдруг Трощалова заговорила:

— Вот вы о Смоленщине все говорите, о семье. А мне как быть, когда у меня никого на свете не осталось?

— Одна-одинешенька?

— Был муж. Да потерялся.— Трощалова говорила скупо, медленно, свое затаенное открывала с трудом.— Он тоже где-то сидит. Запрос в область я посылала... Ну, в ту... где на свободе его вроде видели. Там он не значится. Разыскать бы,— то ли вопросом, то ли просьбой, то ли надеждой закончила Трощалова.

Евгения Васильевна не спешила обещать. Пусть заключенная пока подумает над их разговором.

На другой день Трощалова пришла без вызова. Заглянула в дверь, увидела, что Евгения Васильевна одна, робко, как бы боком проскользнула в кабинет, скромно поздоровалась.

— Ну, проходите, проходите,— подбодрила Евгения Васильевна.— Видно, поговорить хотите? Угадала? Садитесь.

Трощалова села на кончик стула, мялась, все не могла начать.

— Я... насчет мужа. Разыскать бы... А? — И замолчала в нерешительности. Евгения Васильевна выжидающе смотрела. Трощалова вновь заговорила:— Как бы нам Васеньку найти? Может, вам-то скорее ответят? А? — уже с мольбой в голосе.— Что ж молчите-то?

— Думаю. О вас думаю. Вот вы как-то крикнули, что никто вам не нужен. Нет! Не может быть такого. Люди нужны друг другу. Сейчас вы о муже забеспокоились. Потом настоящие друзья, подруги появятся. Вот и я... Перед вашим приходом раздумывала, как выйти из трудного положения, и решила: никто, кроме Трощаловой, мне не поможет. Плохо у нас с планом, Александра Васильевна. Десятка три заключенных совсем не выходят на работу. А план-то в расчете и на них дается. Я все прикидывала: создать бы из этих женщин отдельную бригаду, а в бригадиры им человека опытного, авторитетного... Может, возьметесь, Александра Васильевна?..

Предлагая воровке стать бригадиром, Новикова знала, что идет на огромный риск, но знала и другое: полумерами, компромиссами такую, как Трощалова, не перевоспитать. Потому что требовалось полностью изменить психологию тунеядки.

Молчание было долгим, тягостным. Потом осевшим голосом Трощалова выдавила:

— Нет, гражданка начальница, это не для меня.

Через несколько дней Новикова пригласила Трощалову к себе в кабинет. Завела разговор о работе. Трощалова с трудом проговорила:

— Ладно. Пойду работать.

— Нет, одной вам дело не поправить. Возглавьте бригаду.

— Так... скажут же: Трощалова ссучилась,— покраснев, возразила заключенная.

— Кто скажет? Воровки «в законе»? Неужели у вас сил не хватит разубедить их? Если кого и послушаются они — только вас.

— Подождите, гражданка начальница, не могу сразу решиться...

Ушла. Ушла и ничего не сказала больше про мужа. И Евгения Васильевна отмолчалась. Трощалова не приходила дней пять. Между тем число неработающих в зоне росло. Теперь уж отказывались идти на фабрику шестьдесят человек. Не помогали уговоры, наказания. Воровки «в законе» терроризировали колонию. «Позвать Трощалову? Согласиться, чтобы хоть сама вышла? Может, за ней и другие потянутся»,— мучилась Евгения Васильевна. И тут Трощалова сама заявилась.

— Давайте бригаду... Только как бы не избили меня. А?

— Охранять будем.

— А что за работа?

— Несложная. Пойдете в картонажную мастерскую, на швейную фабрику вам пока рано.

Что заварилось в зоне! Воровки по углам злобно шушукались, сговаривались о чем-то. Евгения Васильевна предупредила контролеров, чтобы бессменно дежурили у общежития. Сама в ту ночь не ушла из зоны, время от времени делала обход.

Наутро в цех вышла половина закоренелых саботажниц. После окончания рабочей смены Евгения Васильевна шла мимо общежития. Вдруг из здания послышался высокий, визгливый голос Трощаловой. «Все-таки напали! Не уберегли мы!» — мелькнула мысль, и Евгения Васильевна бросилась к дверям.

Трощалова стояла на скамейке посреди общежития и держала речь перед разгоряченными женщинами:

— Ах, я ссучилась? А вы хлеб государственный задаром жрете— вы не суки?! Да?! Воровские законы... Знаю я их. Волчьи они. Губят они людей, законы эти. И вор вору — волк, вот кто. Меня хоть один остановил, когда топор брала, в лес шла, чтобы руку рубануть? Никто не отговорил, не пожалел. А мне лет-то всего двадцать было. А кто-нибудь семье моей помог? Нет. Василию моему про меня наговаривали... Так вот! Была воровка «в законе», вас за собой вела, глупости моей все подчинялись. А теперь поумнела— и вы все слушать мое слово должны. Слово такое: завтра всем на работу. А кто не выйдет — есть не дам. Миски у вас повышибаю. И пусть потом за это наказывают...

Медленно, но неотступно вела Евгения Васильевна свою подопечную к истине, к честной, трудовой жизни и свободе. Приходила на производство и помогала советом, заходила в общежитие — беседовала с женщинами, рассказывала о новостях в стране, была неизменно подтянута, опрятна, вежлива: ведь ничто так не воспитывает, как личный пример. Не гладко у Трощаловой проходила ломка характера, взглядов на жизнь. Нет-нет да и вылезет наружу былая жестокость, грубость, необузданность. То начнет запугивать побоями женщину, не выполняющую норму, то с бранью накинется на неугодившую ей соседку. Евгения Васильевна не делала для нее исключения: наказывала сурово, требовала с нее больше, чем с других. Потому что считала: снисходительность — лучшая почва для культивирования недостатков. И Трощалова срывалась все реже и реже.

В это время стали приходить ответы на запросы Новиковой. Сначала совсем не утешительные: Василий в списках заключенных не числится. Наконец с Севера пришло письмо, которого ждали: адрес колонии и коротенькая приписка: «Заключенный тяжелый, постоянно ходит в штрафниках: не работает, нарушает режим содержания».

Евгения Васильевна не стала дожидаться окончания смены. Заторопилась в картонажную мастерскую. И Трощалова, едва взглянув на нее, поняла.

— Нашелся?..— еле выдохнула она.

— Нашелся,— закивала Евгения Васильевна.— После смены заходите...

Трощалова читала письмо, медленно водя глазами по строчкам. Прочитала, улыбнулась.

— Он у меня такой. Норовистый,— сказала с нежностью,— не захочет работать — не будет.

— Чем гордитесь, Александра Васильевна? Помочь человеку надо, а вы «норовистый»...

— Как же помочь? Мне-то писать запрещено? Мы же не расписаны.

— Я ему напишу. И о вашем решении, и о нашей работе, и о том, что ждете его.

— Не поверит. Не поверит, что работать стала. В жизни не работала.

— Когда-нибудь за ум надо браться. Не поверит сейчас, потом сам убедится. После освобождения приедет и увидит.

— А думаете, приедет?

— Ну а как же? Ведь семья же!

А через несколько дней к Евгении Васильевне пришел расстроенный начальник картонажной мастерской:

— Трощалова ваша сегодня сдала коробочек на полторы нормы...

— Думаете... отбирает у других? — разгадала его беспокойство Евгения Васильевна.

— Не иначе. Она же со своей культей еле-еле норму тянет. Решила усердие показать, а поступила по-старому, по-воровскому.

— Ладно, разберусь,— устало ответила Евгения Васильевна.— Пока больше никому не говорите.

Но не было сил подняться, разговаривать, убеждать, все начинать сначала. Не было сил.

Штаб постепенно пустел. По территории зоны ходили лишь контролеры. Может, все-таки сегодня повидать Трощалову? Нет. Завтра.

Усталая, вышла из штаба Евгения Васильевна, повернула к воротам, но краем глаза увидела какой-то непорядок. В туалете горел свет. Припомнилось, что тот свет виден был из кабинета уже давно. Нехотя пошла туда... В первой комнатке, неудобно пристроившись на принесенном ящике, сидела Трощалова и клеила коробочки.

...Шел третий год пребывания Трощаловой в колонии, когда она как бы невзначай начала разговор:

— Евгения Васильевна, а не поверили бы мне, не освободили бы досрочно? Очень хочу быть человеком.

Не сразу решилась Новикова ходатайствовать перед судом об условно-досрочном освобождении заключенной. Советовалась с сотрудницей Марией Захаровной («Страшновато, Евгения Васильевна, воровка-рецидивистка все-таки»), с Трастовским («Что ж, убедили. Может быть, оказанное доверие ее окончательно исправит»).

Суд учел ходатайство администрации, ручательство Новиковой, согласие совхоза устроить ее на работу, дать комнату.

* * *

— Правда, не сразу все наладилось у Трощаловой,— заканчивает свой рассказ Евгения Васильевна.— Только успела вернуться Мария Захаровна, она определяла Трощалову в совхоз, как пришла длиннющая телеграмма. Ну, знаете, она же никому телеграмм в жизни не посылала, написала, как письмо: «Евгения Васильевна! Милая и дорогая! Пришлите Марию Захаровну, заберите меня отсюда. Отказываются со мной работать. Говорят, я вся исколотая, бандитка. А я не хочу воровать. Не хочу скитаться по стране. Приезжайте, заберите. Очень прошу. Шура». Ну, пришлось забрать. Устроили в Харькове. Работает гардеробщицей. Комнату ей дали. Кстати, ее Василий действительно приехал. Ко мне его приводила: «Пусть поклянется, что воровать не станет, а будет работать». Тот бурчит: «Как ты, Шура, скажешь, так я и сделаю». Недавно приходила в колонию, дочек своих приводила, спрашивала: «Может, с кем из женщин поговорить надо? Убедить? Я могу».

...Вот одна из историй о трудном пути к людям, к нормальной жизни женщины, подлинную фамилию которой мы, естественно, изменили.

* * *

Сейчас условия работы в колониях уже не те: там нет воровских группировок, воров «в законе». Но еще не изжиты в обществе преступления, есть преступники, порой очень опасные, с паразитической психологией, жестокими характерами, исковерканными судьбами. И воспитатели ставят перед собой большую, гуманную задачу: к каждому осужденному найти подход, помочь ему исправить характер, побороть пороки, стать человеком. Начиная с осужденным поединок, воспитатель думает только о победе: выиграть бой за человека, каким бы трудным этот бой ни был!

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ

МИНСК

МИЛЛИОННЫЙ ЖИТЕЛЬ

В печати уже сообщалось, что недавно у жителей Минска — Зои Кудиной и Валентина Басько — родился сын, первенец. Вроде бы самый обычный факт: каждый день в родильных домах разных городов появляются на свет малыши — юные граждане страны. А первенец в семье рабочих Минского швейного производственного объединения имени Крупской привлек внимание журналистов потому, что с его рождением население белорусской столицы достигло одного миллиона человек.

На нашем снимке вы видите, как поздравляют родителей миллионного жителя Минска друзья, представители общественности и сотрудники 6-й клинической больницы.

Фото В. Лупейко. ТАСС.

БАКУ

ДЕЛИКАТЕСЫ КАСПИЯ

На земле нет другого водоема, который по своим рыбным богатствам мог бы соперничать с Каспием. В его водах обитает свыше шестидесяти видов ценных пород. Только в этом древнейшем озере водятся большие стада осетровых.

На Каспий приходится львиная доля — 70—80 процентов — всей мировой добычи красной рыбы, дающей, кроме нежного мяса, и черную икру. Благодаря бережному отношению к природным богатствам Каспия лов осетровых в ближайшие годы возрастет в два с половиной раза.

Воспроизводством рыбных сокровищ Каспия в Азербайджане занимаются девять заводов и хозяйств. Ежегодно они выпускают в море двенадцать миллионов штук молоди красной рыбы, большое количество частиковых и лососевых. Сотрудники Азербайджанского отделения Центрального научно-исследовательского института осетрового хозяйства провели необычную перепись обитателей Каспия. Занявшись прогнозными подсчетами запасов красной рыбы, они установили, что ныне в бассейне моря ее насчитывается почти 200 миллионов экземпляров.

В водоемах Азербайджана хорошо приживаются и пришельцы из других, далеких морей и озер. Вслед за дальневосточным лососем и белым амуром в Азербайджане скоро поселится заокеанская гостья — американская форель. Икринки этой рыбы доставлены из США.

Георгий ПОГОСОВ

Лидия Александровна Сентябова — лучшая эмалировщица участка.

ТАЛЛИН

«ГРИЛ», ЛАТКА И ДРУГИЕ

Есть в обиходе человека вещи, которые покупаются один раз в жизни и даже переходят от бабушек к внучкам. Такие вещи обязательно должны быть красивыми. Например, латки. Латка, сообщает Даль,— это «гончарная или каменная миска с прямыми крутыми боками». Крутые бока остались, а материал давно уж другой: чугун оказался для латок наиболее подходящим. И вот эта рабочая, непарадная чугунная посуда ныне тоже идет в ногу со временем и даже хорошеет: ведь куда приятнее жарить и тушить, если в твоем распоряжении посуда легкая, яркая, хорошо моющаяся и быстро выполняющая свою задачу. И такая посуда уже есть. В Таллине ее делают на машиностроительном заводе «Ильмарине», в цехе ширпотреба. Когда-то тут выпускали черные, скучные латки и сковороды. Потом начались перебои. Теперь дело наладилось: в конце девятой пятилетки цех выпустит чугунной эмалированной посуды в 2,3 раза больше, чем сейчас.

Что еще предлагает «Ильмарине» на смену старой доброй латке?

Легкие и прочные утятницы, покрытые красной, зеленой или желтой эмалью, жаростойкие гусятницы и жаровни; сковороды чугунные обычные; яркие, эмалированные с двух сторон сковороды с плоскими углублениями для блинов и с круглыми для пончиков; чугунные котлы для бань; кухонные баки для горячей воды; шашлычные жаровни «грил» на передвижной, с колесиками, треноге; шашлычные вертелы и вилки. Хороши эмалированные кухонные плиты для топки дровами, брикетом, каменным углем, они особенно удобны в сельских и загородных домах, потому что в них есть змеевик центрального отопления для нагревания двухтрех небольших комнат...

Н. ХРАБРОВА, собкор «Огонька»

Фото В. Сальмре.

Леонид ТЕРЕХИН

ВСТРЕЧА С ВЕТЕРАНАМИ ВОЙНЫ

Встречают за околицей солдат
с цветами,
с хлебом-солью
и с речами,
с земным поклоном
возле низких хат
своих освободителей встречают.
Им козыряют бойко старики,
старухи осеняют их крестами,
читают пионеры им стихи
и угощают молоком крестьянки.
У ветеранов брови сведены,
обнажены их души откровеньем,
и росчерком морщин и седины,
как стрелками на картах,
светит время.
Июльский зной и отблески боев
перемешались в зеркальцах
медалей,
и свет освобожденных городов
навечно отчеканен на металле.
Историей была отведена
им трудная судьба.
Без укоризны
долг выполнили.
Даже орденам
не передать всю силу героизма.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ

У него примета своя —
на фасаде линии ровные.
И у входа читаю я:
«Проходила здесь линия фронта».

Я на самой передовой
неожиданно замираю.
Как живые, передо мной
на полотнах бойцы умирают.

Из окопов они не ушли,
на своих рубежах остались,
в почерневшую землю вросли
возле груд искореженной стали,

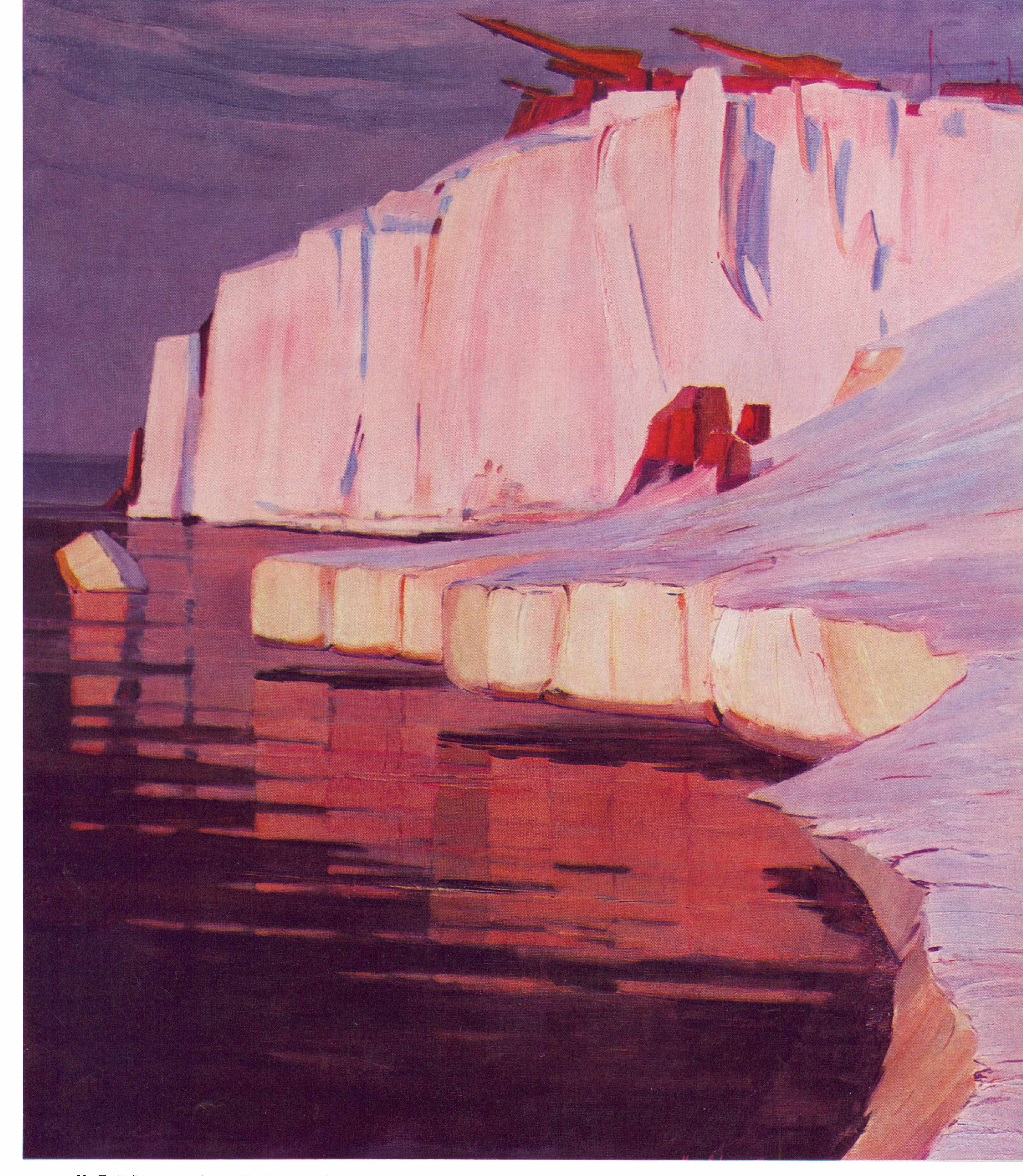
неприступные для врага.
Бой неравный стал боем вечным,
потемневшая бронза легла
на их лица суровые, плечи.

Танк фашистский, дорогу взрыв,
в дикой ярости распластался,
и снаряда огненный взрыв
вздыбил землю — да так и
остался.

И, не испугавшись громад
всех фашистских хваленых армий,
встал солдат,
бросил связку гранат
прямо в гущу врагов — так и
замер.

У дорожного полотна,
где чернеет сожженная роща,
нам на голову с полотна
все пикирует бомбардировщик.

...Понял, зная тебя, война,
эти строчки передавая,
что позиция только одна
у искусства —
передовая!

Н. Лой (Норильск). НЕПРИСТУПНЫЙ РУБЕЖ.

В. Сибирский. С ЛЕГКИМ ПАРОМ.

Студия военных художников имени М. Б. Грекова.

ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬОН

Х. Л. ЛОУРЕНС

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

Дежурный администратор гостиницы «Фон Гумбольдт» взглянул на Корта без всякого интереса. Этот худой и бледный англичанин был, несомненно, человеком серьезным, во всех отношениях солидным, и администратор по опыту знал, что людям этой категории редко требуются какие-либо деликатные услуги, за которыми обычно следует щедрое вознаграждение. Он вручил Корту ключ от номера, вызвал коридорного и сразу забыл о приезжем, занявшись своими обычными делами.

Из окна номера, отведенного Корту, открывался прекрасный вид на город. Был вечер, и крест на соборе Сан-Кристобаля уже сиял яркими огнями. Казалось, он говорил о набожной и целомудренной жизни обитателей города, но это впечатление мигом рассеивалось, стоило оказаться на огромной площади перед гостиницей, где по соседству с красивым памятником Сан-Мартину пристроились многочисленные кафе, ночные клубы и прочие злачные заведения.

Приняв душ и сменив костюм, Корт набрал номер телефона и стал терпеливо ждать. Он много и часто путешествовал и хорошо знал, что порядки и стандарты одной страны вовсе не обязательны для других. Наконец на противоположном конце линии подняли трубку.

— «Санта-Роза»?

— Да, сеньор.

— Мне нужен доктор Раух.

— Извините, сеньор, но доктор Раух...

— Немедленно позовите доктора Рауха. Передайте, что звонит Корт.

Тон его голоса не изменился, но телефонистка в больнице поняла, что разговаривает с человеком, привыкшим распоряжаться, и робко ответила:

— Сию минуту, сеньор.

Прошло еще немного времени, и в трубке послышался мужской голос.

— Это вы, Раух? Говорит Корт.

— Корт? Д. К.?

— Да.

— К сожалению, сеньор Корт, у меня для вас плохие новости.— Врач не пытался скрыть свое волнение.

— Что такое?

— Каппелман...

— Да, да?

— Исчез.

— Исчез? Объясните, что произошло. Я хочу знать подробности.

— Все получилось так нео...

— Не по телефону! Я остановился в гостинице «Фон Гумбольдт». Приезжайте немедленно!

— Слушаю, сеньор. Сейчас же выезжаю.

Корт медленно положил трубку. Вот уж чего он не ожидал! Действительно ли его дела в Лиме будут так несложны, как казалось вначале? Он вышел на балкон и долго смотрел на расстилавшуюся перед ним площадь Сан-Мартина, на ее ключом бьющую жизнь. К востоку от города лежали мрачные, безжизненные горы Сьерры, а за ними безгранично раскинулись самые большие в мире джунгли.

5

Весь день Корт был очень занят. В номере у него побывало много посетителей, и после осторожных расспросов он установил ряд бесспорных фактов. Он знал, что Каппелман мертв; что Рид не вернулся в «Санта-Розу»; что портфель Каппелмана находится у Рида. Он знал также, что человек или люди, устроившие побег Рида из «Санта-Розы», кто бы они ни были, умны и решительны. Все это его тревожило. Надо было кончать с этим делом, и как можно скорее. Он и мысли не допускал, что может потерпеть неудачу. Все сводилось к одному: никто не должен знать, что Каппелман мертв. О чрезмерно любопытной сиделке из «Санта-Розы» уже позаботились, регистраторшу — весьма неумную женщину — устранили. На остальной обслуживающий персонал можно было положиться: люди прошли специальный тщательный отбор; их отучили высказывать собственные мысли, а тем более сомневаться. Сестра-хозяйка получила основательную головомойку за то, что без предварительного согласия доктора Рауха приняла на работу новую сиделку, оказавшуюся такой любознательной.

Задача состояла в том, чтобы найти Рида еще до того, как он разберется в содержании бумаг, оставшихся в портфеле Каппелмана. Корт снял трубку телефона.

— Соедините меня с английским посольством,— распорядился он.

Рид, несомненно, должен связаться с посольством. За эти последние часы Корт успел по телеграфу послать в Лондон соответствующий запрос и теперь многое знал о Риде. Он не сомневался, что такой положительный и уравновешенный человек, как этот англичанин, находясь в заграничной командировке, обязательно свяжется со своим посольством, особенно после всего случившегося.

Из посольства ответили, что лицо, которым он интересуется, на вечеринке. Корт попросил номер телефона и уже через несколько минут разговаривал с тем, кого разыскивал.

— Это вы, Джилингхем?

— Да. Кто это?

— Говорит Корт.

— Д. К.?

— Вот именно.

— Я думал, вы в Лондоне!

— Я был там, но меня направили сюда.

— По делу Каппелмана?

— Правильно.

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Вероятно.

— Каким образом?

— Вы можете разговаривать, не опасаясь, что вас подслушают?

— Соблюдая известную осторожность, да.

— Так вот. Некто по фамилии Рид, повторяю: Рид,— попытается связаться с посольством. Он сообщит вам, что его по ошибке приняли за Каппелмана и отправили в «Санта-Розу». Как только он попадет в поле вашего зрения, немедленно известите меня.

— Опять «Санта-Роза»! Знаете, Корт, это место начинает приобретать весьма нелестную репутацию.

— Это моя забота, делайте, что вам сказано.

— Какой тон, Корт! Я не мальчик на побегушках.

— Вам начинает изменять память, Джилингхем. Возможно, Лима — слишком спокойное место? Вы были предоставлены самому себе, но из этого вовсе не вытекает, что мы о вас забыли. Как вы смотрите на перевод в менее привлекательный город?

— Извините, пожалуйста,— спохватился Джилингхем.— Я вовсе не хотел...

— Вот и прекрасно. Наш лозунг — сотрудничество и помощь, Джилингхем... Кстати, как ваш сын?

— Спасибо, хорошо.

— Говорят, он неплохо учится?

— Не могу пожаловаться.

— Мы всегда помним о сыновьях наших бывших студентов, особенно хороших.

— Да, да!

— Он, кажется, выражает желание специализироваться по праву?

— Вы не ошиблись.

— Прекрасно. Может, с нашей помощью он станет самым молодым судьей в Англии, а? Поощряйте его в этом направлении, Джилингхем. Я в любое время устрою вам длительный отпуск, и тогда вы и ваша очаровательная жена сможете провести лето вместе с ним. Постарайтесь только не испортить его! После «Спарты» даже горячая ванна может показаться ему декадентской роскошью... Но вернемся к главному. Не забудьте предупредить ваших сотрудников, что с Ридом, как только он появится, будете говорить вы, и никто другой. Передайте ему, что власти уведомлены о том, что он Рид, а не Каппелман, и как только закончится расследование катастрофы, его отпустят на все четыре стороны.

— А что на самом деле известно перуанским властям?

— Ничего. Рид для них Каппелман — пусть Каппелманом и останется.

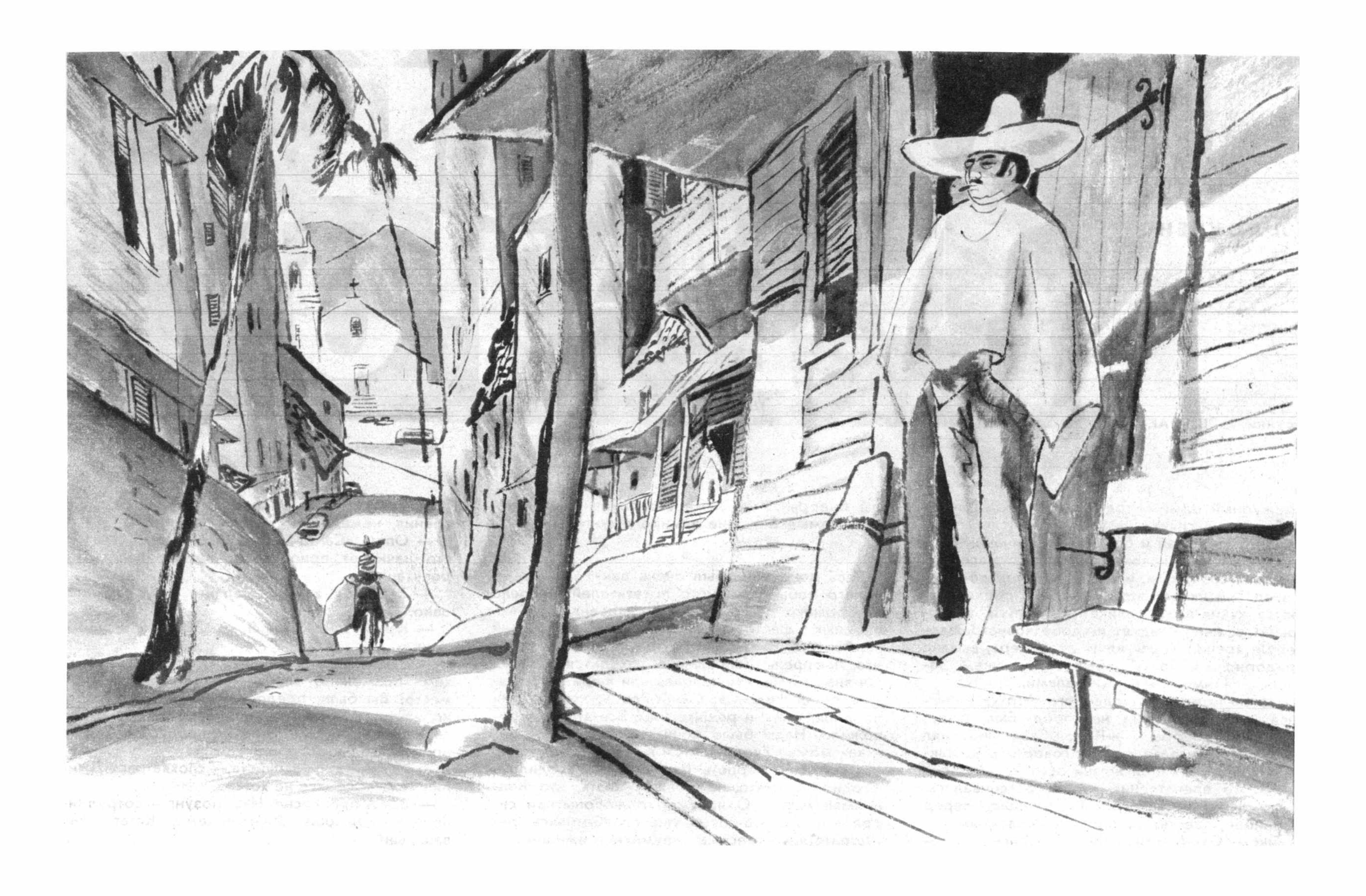
— Ясно.

— Ну, а теперь, Джилингхем, желаю вам хорошо повеселиться. Только не забывайте, что на вершине дерева оказаться, конечно, неплохо, но терять равновесие не следует — опасно...

Корт положил трубку. Итак, один путь закрыт. Теперь нужно заняться аэропортом. Здесь он попросил к телефону некоего чиновника и коротко сообщил, что от того требуется. Чиновник заверил, что Рид не получит места ни на один самолет. Закончив деловую часть разговора, Корт осведомился у чиновника о трех его сыновьях. Чиновник ответил, что с ними все в порядке, они с удовольствием проводят время в «Спарте».

— При местном климате жить в «Спарте» и в самом деле одно удовольствие,— заметил Корт.— Для наших североевропейских школ

Продолжение. См. «Огонек» №№ 5—7.

большой помехой служит суровая зима. Но «Спарта» не место для слабых и хилых, знаю по собственному опыту. Вот и здесь, у вас, вы можете и должны устраивать студентам испытания в горах.

— Я... я знаю, сеньор,— слегка заикнулся чиновник.

— Еще бы не знать! У меня хорошая память. Один ваш сын умер в горах, но у вас еще трое...

Корт сделал все для того, чтобы Рид не смог покинуть город ни по воздуху, ни морем, ни сушей, и лишь после этого с облегчением откинулся на спинку кресла. Рид оказался в Лиме, как в западне. Оставалось найти его и обезвредить.

Хосе валялся на соломенном матрасе, посасывал сигарету и тоже обдумывал последние события. Ратман хорошо заплатил ему, однако Хосе считал, что может заработать еще больше. Человек, называвший себя Ридом, им и был в действительности. Каппелман мертв, и это тоже не вызывало сомнений. Однако Каппелман тем не менее жив, во всяком случае, официально.

Хосе снова взглянул на газету, где сообщалось о прибытии в Пакину группы для поисков разбившегося самолета. В той же статье упоминалось, что герр Каппелман находится в «Санта-Розе» и поправляется после мучений, пережитых во время блужданий по джунглям. Расследование причин катастрофы начнется в ближайшие дни. В газете многословно доказывалось, насколько надежны пассажирские самолеты, вылетающие из Лимы. Хосе презрительно сплюнул. Он предпочитал путешествовать пешком, или на машине, или на осле. Ни один из этих способов передвижения его до сих пор не подводил.

Было три часа дня. Хосе нахлобучил сомбреро и отправился по делам. Шофер все того же старого «бьюика» предложил подвезти его, и Хосе согласился.

— Ну что? — спросил Хосе, как только машина тронулась.

— Один погиб на месте, двое тяжело ранены и вряд ли выживут.

— Дальше.

— В городе появился новый человек, звонивший в «Санта-Розу». Он добивается, чтобы случай в больнице не получил огласки.

— Как зовут этого странного сеньора?

— Корт.

— Где он остановился?

— В гостинице «Фон Гумбольдт».

— Что еще?

— На телефонной станции у меня только одна приятельница, и она сменилась сразу же после этого звонка.

— Как выглядит сеньор Корт?

— Высокий и худой, с двумя маленькими старыми шрамами на щеке. Хорошо говорит по-испански.

Хосе пожевал сигарету.

— Покажешь его. Не будет же он все время сидеть в гостинице. Наблюдай и сообщай мне. Я буду в кафе «Анды».

Корт провел сиесту за составлением докладной записки. Запечатав конверт, он вручил его дежурному администратору для отправки и вышел на улицу подышать свежим воздухом. Поток гуляющих увлек его к Хирон де ла Юнион. Индейцы предлагали ему безделушки, сводники превозносили достоинства девушек, услугами которых он мог бы при желании воспользоваться, уличные фотографы забегали перед ним со своими аппаратами. Внимание Корта привлек смуглый курчавый человек. Он все время держался на почтительном расстоянии, но явно старался не упускать его из виду. Впрочем, Корт не удивился: он знал, что за ним всегда ведется слежка. «Какой-нибудь холуй нашего дорогого покойного Каппелмана!» — подумал он.

Корт уже миновал площадь и шел по узкой улице, когда человек нагнал его.

— Тысяча извинений, сеньор, но мне поручено передать вам одно предложение.

— Что ж, передавайте.

— Вы разыскиваете одно лицо, не так ли?

— Я не отвечаю на вопросы.

— Прошу прощения, сеньор, но если вы действительно разыскиваете одно лицо, я могу свести вас с человеком, готовым сообщить вам интересную новость.

— Почему это должно меня интересовать? У каждого есть какие-нибудь новости.

— Речь идет об авиационной катастрофе.

— С моим самолетом ничего не произошло. Повторяю, меня не интересует...

— Минуточку, сеньор. Этот человек разговаривал с единственным пассажиром, оставшимся в живых.

— В таком случае ему лучше всего продать свою новость какой-нибудь газете.

— Возможно, в конце концов он так и сделает. Пока же он считает, что сможет продать ее вам на более выгодных условиях. Он поручил мне назвать одну фамилию: Каппелман. Мне-то, сеньор, она ровным счетом ничего не говорит.

— Разумеется, разумеется...— Корт лихорадочно размышлял.— А знаешь,— заговорил он после паузы,— пожалуй, меня может заинтересовать эта новость. Где твой человек?

— В кафе «Анды». Взгляните, он сидит за столиком в углу.

— Вон тот, с сигаретой во рту?

— Он самый.

— Хорошо, я подойду и сяду за его столик.

— Что вы, сеньор! Это кафе вовсе не для такого джентльмена, как вы!

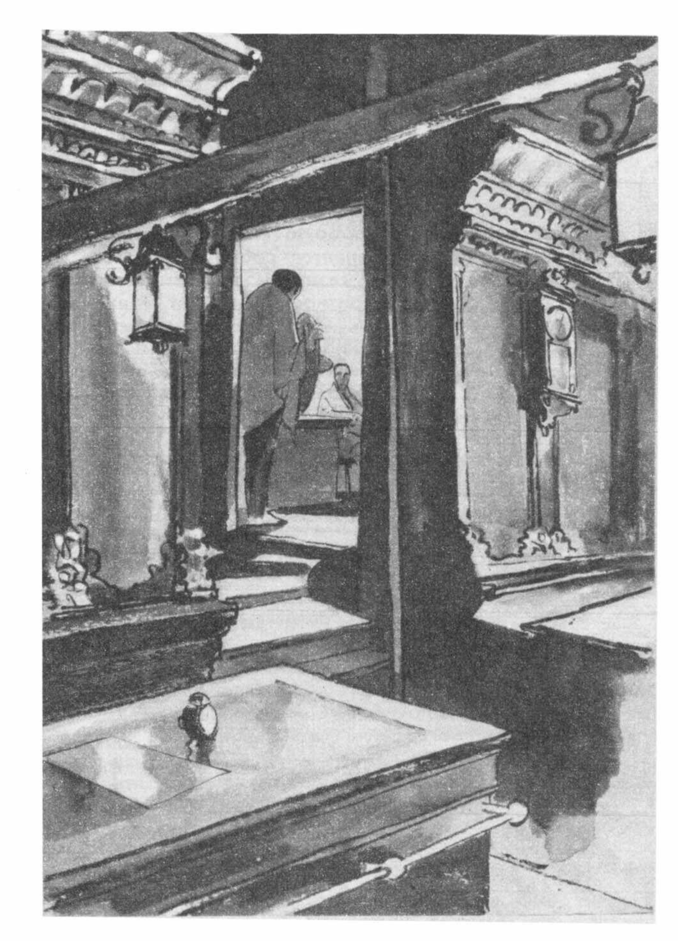
— Где же мне с ним поговорить?

— Если не возражаете, в моем магазине.

— В магазине?
— У меня есть небольшой, но вполне приличный магазинчик. Вы найдете в нем изумительную коллекцию антикварных вещей, редкие драгоценные камни, чудесные кольца и ожерелья, старинные кинжалы и табакерки, самые разнообразные...
— Не интересуюсь.
— Понимаю, сеньор, понимаю. Но в моем магазине есть еще отдельная комнатка со столом и удобным креслом. В ней сеньор может спокойно пить кофе или что-нибудь другое, курить и беседовать... Так могу я предложить вам мой скромный дом?
— Можешь. Да поживей приведи туда этого... с сигаретой.
— Он уже пошел туда, сеньор.
Идти пришлось совсем недолго, и вскоре они оказались у двери небольшого, с неосвещенной витриной магазинчика. Навстречу им вышла девушка.
— По частному делу,— бросил ей ювелир.— Не выпьете ли для начала кофе, сеньор?
— Чаю.
— Подай,— распорядился ювелир.— Прошу за мной, сеньор.
Открыв массивную деревянную дверь, они прошли в маленькую, довольно уютно обставленную комнату.
— Я схожу за моим другом,— сказал ювелир.— Сейчас вам подадут чай.
Он указал Корту на кресло и вышел.
Корт осмотрелся. Единственное оконце под самым потолком было забрано прочной решеткой. Он пожал плечами и проверил, легко ли вынимается пистолет из потайного кармана под левой подмышкой.
Через несколько минут появился Хосе. Он снял сомбреро и поклонился.
— Сеньор Корт?
— Да, я Корт.
— Хосе к вашим услугам, сеньор.
— Садись. Сейчас мне принесут чай. Ты, конечно, предпочитаешь кофе?
— Я не пью чай.
Хосе уселся напротив Корта. Девушка принесла чай, и Хосе распорядился, чтобы она подала ему кофе.
— Вы, кажется, хотели что-то рассказать мне? — начал Корт.
— Я? Знаете, сеньор, я бедняк, и такому американцу, как вы...
— Я англичанин.
— Вот как? Я знаю еще одного англичанина.
Хосе глубоко затянулся сигаретой. Корт маленькими глотками отпивал чай.
— Я с удовольствием выслушаю твой рассказ об англичанине,— улыбнулся он.— Я здесь человек новый, и мы, возможно, подружились бы с ним.
— Так-то оно так, да уж больно он робкий и застенчивый, не очень-то идет на новые знакомства.
— Но с тобой-то он познакомился!
— Со мной да.
Корт снова отпил глоток чая.
— Что ж, тогда, быть может, не станем беспокоить моего застенчивого земляка. Я и сам не намерен навязываться кому-то со своей дружбой.
— Вы очень любезны, сеньор Корт.— Хосе выпустил струю дыма.— Но, по-моему, вы могли бы убедиться, что английский сеньор — любопытная фигура. Он располагает такой обширной информацией...— Хосе помолчал, долго смотрел в потолок и медленно повторил:— ...Такой обширной информацией.
— Вполне допускаю, что он и в самом деле фигура любопытная. Однако я очень занятой человек и не могу тратить время на поиски твоего друга.
— Жаль.
Корт кивнул.
— Но, как мне кажется,— продолжал Хосе,— не так уж будет трудно устроить вашу встречу, предоставить вам возможность поболтать с ним.
— Это лучший выход из положения,— согласился Корт.— Берешься устроить?
Хосе передвинул сигарету из одного угла рта в другой.
— Но понимаете, сеньор, я ведь тоже человек очень занятой.
— Конечно, конечно! Время — деньги.
— Вы умный человек, сеньор.
Корт вынул из кармана бумажник. Выражение лица Хосе не изменилось.
— Я готов заплатить тысячу солей за возможность поболтать с сеньором Ридом.
— С Ридом? С сеньором Ридом?! Но я не знаю никакого сеньора Рида! Кто он? Правда, я знаком с одним англичанином. Его фамилия... его фамилия... Дайте припомнить...
— Тысячу пятьсот.— Корт начал отсчитывать банкноты.
— У меня плохая память на фамилии, сеньор...
— Две тысячи.
— Вы меня смущаете... Рид? — Хосе покачал головой.— Возможно...
— Три тысячи.
— Моя память...
— Четыре тысячи.
— Я начинаю что-то припоминать...
— Больше четырех тысяч эта встреча не стоит.
— Четыре?.. Минуточку... Как вы сказали? Рид? Мать пресвятая богородица! Ну как я мог забыть! Конечно, Рид. Он даже похож на вас — высокий, худой и такой же благородный джентльмен...— Хосе взял деньги со стола.— Я устрою вам встречу, это совсем просто. Мне будет так приятно сказать: «Сеньор Рид, вот ваш земляк сеньор Корт. Он хочет о многом переговорить с вами».
— Сведи нас поскорее.
— Не беспокойтесь, вам не придется долго ждать.
Корт поднялся. Хосе хлопнул в ладоши, и на пороге появилась девушка.
— Проводи сеньора на улицу,— распорядился он.— До свидания, сеньор. Мы еще встретимся, и очень скоро.
Корт кивнул и вышел.
В комнате сразу появился ювелир.
— Ну как? — спросил он.
— Обделал маленькое дельце.
— Не нравится мне этот тип. Сразу видно — плохой человек. Не спускай с него глаз, Хосе.

Корт был удовлетворен ходом событий. Если дело и дальше пойдет так, Рид вскоре вновь окажется в «Санта-Розе».
— Вам письмо, сеньор,— сообщил дежурный администратор, как только Корт вошел в гостиницу.
Корт вскрыл конверт, пробежал глазами вложенную в него записку и нахмурился. Поднявшись к себе в номер, он тут же позвонил директору международной телефонной станции Лимы.
— Это вы, Малер?
— Да. Кто говорит?
— Корт. Д. К.
— Прекрасно. Получили мою записку?
— Только что прочел.
— Некто по фамилии Ратман развил бурную деятельность, собирает справки на различных лиц.
— Догадываюсь, каких именно. И что же?
— Меня это заинтересовало. Я затребовал список всех его междугородных разговоров. Оказывается, этот тип уже звонил в Нью-Йорк, Чикаго, Сан-Франциско, Оттаву своим дружкам-газетчикам. Он явно что-то заподозрил, Корт!
— Откуда, черт бы его побрал, он узнал фамилии?
— Понятия не имею.
Корт щелкнул пальцами.
— Ну, ничего. Кажется, я догадываюсь.
— Что я должен делать?
— Напугайте его.
— Основательно?
— Не очень. Так, чтобы не поднял шума.
— Понятно.
Корт положил трубку. Теперь он знал, где Рид, но решил ничего не предпринимать. Пока. «Пусть Хосе отработает полученные деньги,— подумал он.— А Ратманом я займусь позже».

Рида томило вынужденное безделье. Прошло уже три дня, как он скрылся из «Санта-Розы» и Ратман начал собирать информацию о лицах, упоминавшихся в бумагах Каппелмана. Журналист позвонил коллеге в Каракас и попросил навести справки о Розелле. «Мой приятель быстро разберется там, что к чему,— объяснил он Риду.— А здесь, в Лиме, вся черновая работа ложится на мои плечи, так что, возможно, мне придется подолгу отсутствовать».
Началось утомительное ожидание. Рид развлекал себя тем, что часами слушал радио, пополняя свои познания в испанском языке, или глазел из окна, выходившего на маленький скверик. Теперь он знал в лицо почти всех жильцов соседних домов. Но это не избавляло его от скуки. Он все больше склонялся к мысли, что зря последовал совету Ратмана и согласился замуровать себя в этих четырех стенах. Иногда он доставал снимок Розеллы и подолгу смотрел на него. Фотограф снял девушку анфас, и она не сводила с него взгляда, как бы он ни поворачивал снимок. На память ему приходили события, пережитые после катастрофы, и он вновь ощущал беспомощность, когда представлял себе беспредельность джунглей. Да, Розелла осталась там, и найти ее на дне этого зеленого, вечно сумеречного океана, наверно, так же трудно, как в космосе...
Рид спрятал снимок в нагрудный карман и долго смотрел на лежавший перед ним сквер. Было около восьми вечера. Обычно в это время возвращался с продуктами Ратман. Как правило, продукты были хорошие, а новости плохие.
— Я ничего не могу узнать о Каппелмане,— пожаловался как-то Ратман.— Никто о нем не слышал. Во всяком случае, так мне отвечают. Ни в архиве «Пресс ассошиэйшн», ни в местных газетах о нем нет ни слова, если не считать простого упоминания в сообщениях об аварии самолета. Когда он приехал в Южную Америку? В архивах иммиграционных учреждений Перу, Аргентины, Бразилии, Панамы, Гайаны и Чили он не значится. Никаких сведений о его прибытии в эти страны нет. Он не турист и не иммигрант, его имени нет среди тех, кто родился здесь, в Перу. Иммиграционные власти США и Канады категорически утверждают, что он им совершенно неизвестен.
— Выходит, он вообще не существует?
— Выходит.
— Значит, я не одинок в такой роли.
— И в то же время, хотя Каппелман официально и не существует, газеты пишут о нем как об единственном уцелевшем при катастрофе пассажире. Когда я обращаю внимание на это обстоятельство и говорю: он уцелел,

следовательно, он существует и, следовательно, кто-то знает о нем больше, чем только его фамилию,— мои собеседники словно лишаются дара речи. Может, он бразилец, может, аргентинец, кто знает? При расследовании все это должно выясниться.

— А вы были в «Санта-Розе»?

— А как же! Но меня немедленно выпроводили под тем предлогом, что Каппелман все еще болен и видеть его нельзя. Будем ждать результатов официального расследования.

— Вы, очевидно, становитесь довольно популярной личностью.

— Пожалуй, даже слишком. Вчера вечером кто-то пытался сбить меня машиной.

— Не может быть!

— Может, как видите.

— Если дело принимает такой оборот, давайте откажемся от своей затеи, и я отправлюсь в посольство.

— Черта с два! Могу поспорить, что в документах из портфеля содержится какая-то тайна. Как только вы появитесь в посольстве, все сгинет в дипломатическом тумане.

— Но в чем дело, Ратман? Почему вы так уверены, что в этой истории есть что-то таинственное, непонятное, странное?

— Да потому хотя бы, что никто не хочет говорить о Каппелмане — персоне настолько важной, что местные таможенники не осмелились подвергнуть его, а вернее, вас, поскольку вы для них были Каппелманом, обычному досмотру, когда вас доставили в Лиму.

— Возможно, это объясняется тем, что меня привезли на перуанском самолете, а таможенники вообще в него не заглядывали, словно мы и не покидали Перу.

— Вас привезли на боливийском самолете.

— Вот как?

— Да. И это может означать только, что Каппелман — очень важная особа, для кого-то и где-то с его именем связано нечто весьма и весьма серьезное.

— Понимаю.

— А теперь к тому же им известно, что вы ознакомились с бумагами из его портфеля.

— И абсолютно ничего из них не узнал.

— Не совсем так. Они, эти люди, поняли одно: разбираясь в документах, вы не могли не обратить внимания на то, что Каппелман так или иначе был связан в Южной Америке с целым рядом крупных фигур.

— Ну и что? Это еще ничего не доказывает.

— Вы, мой друг, геолог, я же газетчик, и мое профессиональное чутье подсказывает мне, что для вас сейчас крайне опасно оказаться на свободе.

Рид пытался возражать, но Ратман остался при своем мнении.

— Дайте мне недельки две,— сказал он,— и если за это время мне ничего не удастся узнать... что ж, тогда отправляйтесь в свое посольство. Сошлитесь там на потерю памяти и ведите себя так, словно вы только что пришли в себя. Возможно, вас посадят на самолет и отправят в вашу добрую старую Англию. Но если мне посчастливится собрать материал и опубликовать в газетах соответствующую статью, всякая секретность исчезнет, и вы будете вне опасности. Тогда уж мстить должны будут мне, а я сумею за себя постоять.

Вот так и прошли эти несколько дней. Сейчас Рид смотрел в окно и поджидал Ратмана. Он вскоре появился в скверике и, оказавшись в полосе света от уличного фонаря, взглянул вверх и бодро помахал рукой, чего раньше никогда не делал. «Видно, наконец-то что-нибудь разузнал!» — подумал Рид.

Ратман направился к подъезду, и Рид от нетерпения начал отсчитывать секунды. Десять секунд — дойти до главного входа... Двенадцать, ну тринадцать — подняться по лестнице... Четырнадцать... Пятнадцать... Двадцать... Двадцать восемь...

Рид услышал медленные шаги Ратмана, встал, подошел к двери и распахнул ее. Что-то тяжелое упало на него и отбросило назад. От неожиданного толчка он свалился, но тут же снова вскочил. Ратман остался лежать. На спине его начало расплываться темное пятно.

Продолжение следует.

Перевел с английского Ан. Горский.

РОСЧЕРКОМ

Лев ОЗЕРОВ

...И все-таки из всех изображений Пушкина самым, как мне кажется, правдивым и одновременно обобщенным является автопортрет, сделанный свободным росчерком гусиного пера. Профиль, воссозданный мгновенно и хранящий оттиск горячности и легкости поэта. Сейчас это эмблема московского музея Пушкина, на Кропоткинской, и театра Пушкина, на Тверском бульваре.

В манере, в какой написан автопортрет, стали работать через много десятилетий после его создания и работают теперь самые искусные художники. Еще одно живое явление пушкинского духа. Еще одно подтверждение того, что человек этот, живший в начале прошлого века, идет с нами и, как всегда, впереди.

В автопортрете запечатлено кружение пера, кружение, похожее на замысловатую подпись. Перо разбросало кудри, падающие на плечи, обозначило баки, которыми Пушкин удивил своих друзей по возвращении из ссылки.

Как возникал рисунок?

Непреднамеренно и непринужденно, как всегда у Пушкина. Бегло и свободно.

То набрасывается — обособленно — автопортрет, то — рядом с ним — профиль Вольтера, то — портреты декабристов, то воссоздается образ женщины, которой в ту пору Пушкин был увлечен, то рисунок появляется по соседству с денежным подсчетом.

Свыше пятидесяти раз рисовал себя Пушкин. «Никого так не любишь, никого так не знаешь, как самого себя. Предмет неистощимый»,— писал он Вяземскому. Автопортрет — средство самопознания и самохарактеристики. В пушкинских автопортретах торжествует лирик. Очень интимное, не рассчитанное на посторонний взгляд художническое действо. Живой, капризный штрих, но впечатляющий, как любое прикосновение Пушкина к бумаге.

Недавно с удовольствием и пользой я прочитал книгу Т. Г. Цявловской «Рисунки Пушкина», изданную издательством «Искусство». Эта книга, углубленно разрабатывая тему, выходит за ее пределы.

Перед нами исследователь, который не только пишет на пушкинские темы, но и живет в атмосфере Пушкина и его эпохи. Изобильное знание дает материал для догадок и гипотез, для сопоставлений и характеристик. В книге «Рисунки Пушкина» Т. Г. Цявловская, исследуя и определяя, вместе с тем размышляет вслух.

Скажем, дается пушкинский рисунок девицы со вздернутым носиком — Вельяшевой и рядом единственный уцелевший портрет в старости. От рисунка и портрета исследователь обращается к «Роману в письмах» и устанавливает, что образ третьей героини повести, Машеньки, восходит к Вельяшевой. В книге сопоставляются рисунки Пушкина и известный портрет Пестеля. То же самое Т. Г. Цявловская проделывает в отношении Дениса Давыдова, Евгения Баратынского, министра финансов графа Канкрина и его жены, в отношении графини А. Ф. Закревской. Последняя вдохновила Пушкина на три стихотворения, на незаконченную повесть «Гости съезжались на дачу» и незаконченную поэму «Клеопатра». Поза, в которой Пушкин нарисовал Закревскую, очень напоминает известный ее литографированный портрет. Исследователь устанавливает, что литография является, очевидно, воспроизведением живописного портрета, естественно, что она дана в зеркальном повороте. На рисунке Пушкина фигура женщины повер-

ТЕМ, КОГО ИНТЕРЕСУЕТ ЭСТЕТИКА

Вышла интересная книга по эстетике, принадлежащая перу ученого и критика, доктора философских наук В. Разумного. Называется она «О партийности искусства», но носит и весьма характерный подзаголовок, определяющий жанр книги, направление ее пафоса,— «Полемические очерки».

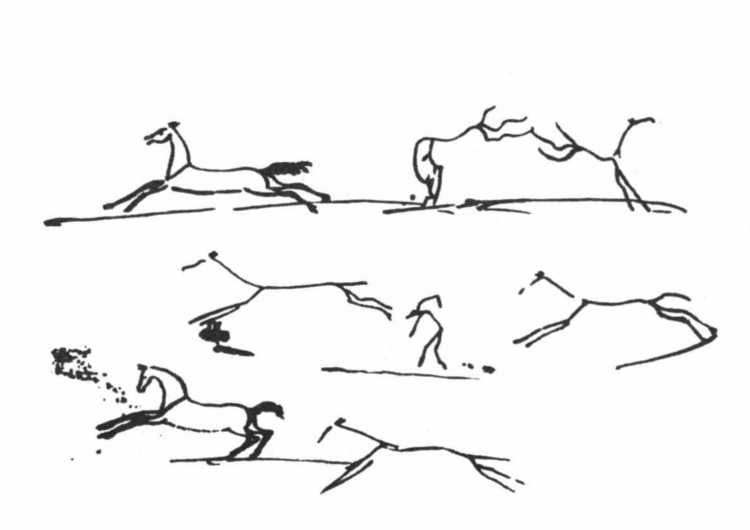
Круг вопросов, поднятый в очерках, основательность и убедительность научно-эстетической концепции автора, обращение к опыту современного, буквально последних лет, отечественного и зарубежного искусства и, наконец, пуб-

В. Разумный. О партийности искусства. Издательство «Изобразительное искусство», 1971.

М ГУСИНОГО ПЕРА

А. Ф. Закревская. Сентябрь (!) 1828 года.

Лошади на воле. 1827—1830 годы.

Е. К. Воронцова. 20 сентября — 22 октября 1829 года.

Эти рисунки в книге Т. Г. Цявловской воспроизводятся впервые.

нута в другую сторону. Можно предположить, что Пушкин видел Закревскую в момент, когда она позировала художнику. Вот как далеко простирается догадка, выросшая на знании!

Рисунки Пушкина обогащают наше понимание его духовной жизни, его интересов и замыслов. Рисунки Пушкина участвовали в выработке характеристики человека, о котором он писал, в определении главных его черт, в углублении пластического начала в стихе и в прозе. Иной раз рисунки Пушкина — звенья в цепи его мыслей, его графическое отступление среди лирических и эпических строк, живописная пауза в занятиях литературой. На иных страницах почти до десяти и более зарисовок. Они столь же естественны и современны, что и его слог — стихотворный и прозаический. Он рисовал, как писал. Рисунок — часть общего пейзажа пушкинской рукописи. Иногда же он обретает и самостоятельное значение.

В штрихе Пушкина переданы динамика мысли, ритм, настроение, разгон руки — легкой, умелой, свободной. В одном из пейзажей Пушкин передает порыв ветра — рисует деревья, которые «буря долу гнула», в другом случае изображает лежащую в обмороке женщину — живописный перифраз гравюры Жоанно, причем на том же листе Пушкин дает построение этого рисунка, еще более лаконичное и порывистое. В третьем случае набрасывает скачущую лошадь — одни линии движения, почти схема полета лошади. В четвертом — нога, вдетая в стремя; наездника не видно, но чувствуется, что он, вспрыгнув, садится на коня; часть передает целое.

Все это запечатленные мгновения пушкинской жизни, которая становится нашей жизнью. Исследователи (А. М. Эфрос и Т. Г. Цявловская) много занимались выяснением того, что и когда рисовал Пушкин. Это важно. Меня же интересует другое: что занимало его, что отвлекало его от строки, чему он уделял внимание. Разрозненные рисунки выстраиваются в некую серию: портреты, автопортреты, пейзажи, шаржи. Здесь то же, что и в литературе: лирика и сатира, самопознание и постижение мира. Здесь то же, что и в литературе: не нравоучение, а поиски идеала.

Я не специалист в области графики, но в рисунках современников, столь разных, от Н. Кузьмина до П. Бунина, иллюстрировавших Пушкина, я нахожу его влияние, его манеру вести линию, манеру бросать — в смысле набрасывать и говорить — в смысле недосказывать.

лицистическая боевитость, острота книги ставят ее в ряд работ о литературе и искусстве, которые обращают на себя серьезное внимание.

В книге В. Разумного, рассматривающей одну из коренных проблем социалистического реализма — проблему партийности искусства, развернута широко, во всеоружии научных аргументов полемика против буржуазных идеологов, пытающихся извратить природу искусства, поставить его на службу далеко идущим темным целям. Автор располагает большим материалом, еще раз подтверждающим ту мысль, что враги прогресса стремятся превратить сферу искусства в один из важнейших фронтов идеологической, политической борьбы. Для этого они идут на разного рода тактические ухищрения: фальсификацию фактов, извращение таких, например, понятий, как свобода и гуманизм.

В недавно принятом постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», в частности, говорилось о недостаточной активности и последовательности нашей критики «в разоблачении реакционной сущности буржуазной «массовой культуры» и декадентских течений, в борьбе с различного рода немарксистскими взглядами на литературу и искусство, ревизионистскими эстетическими концепциями».

Думается, глава «Искусство и некоторые вопросы идеологической борьбы на современном этапе» в книге В. Разумного может в известной степени служить хорошим примером идейной наступательности, активности советского критика, когда ему приходится встречаться со всякого рода извращениями марксистско-ленинской эстетики, нападками на теорию и практику советского искусства.

Много места в книге «О партийности искусства» уделено и другим проблемам, которые волнуют в последнее время критику, эту «движущуюся эстетику». Например, проблема «интересности», проблема «интересного» в искусстве. Автор, на мой взгляд, весьма справедливо и точно определяет идейно-социальные аспекты понятия «интересность», не без едкости иронизируя по поводу вкусовой, «гастрономической» критики.

Принципиальное значение в книге имеет раздел «О революционно-романтическом пафосе советского искусства», где на свежем и разнообразном материале, с точных методологических позиций изучаются такие первостепенные вопросы нашей эстетики, как реальное и идеальное, герой и героическое в искусстве социалистического реализма...

Важна и другая сторона в «полемических очерках» В. Разумного: насыщенность их фактами, взятыми из самых разных областей искусства: кино, театра, живописи, музыки, телевидения.

Н. СЕРГОВАНЦЕВ

ПАССАЖИР С АВОСЬКОЙ

В предотъездной суете не успел поесть: в поезде пообедаю... В шестнадцать часов тридцать пять минут экспресс № 9 отошел от платформы № 7 Московского вокзала в Ленинграде. В шестнадцать сорок я отправился на поиски вагона-ресторана, рассуждая: в первые минуты там народу немного.

— Ресторан? — Проводник даже не смутился.— Нет у нас ресторана — не положено по рангу. И буфета тоже нет...

Не солоно хлебавши (точнее — не хлебавши даже не солоно), вернулся в кресло, комфортабельное, будто взятое из самолетного салона. Да и весь вагон напоминал салон самолета: чистотой, удобством. Но на этом авиационные удобства кончались. Начинались железнодорожные неудобства.

В рейсе авиаторы угощают пассажиров как минимум конфетами и минеральной водой, а иногда обедом или ужином. Тут же, в поезде (шесть часов езды!), даже обычной воды нет. А о стакане хорошего чая лучше не спрашивать.

Приехал я в Москву, наутро позвонил в Министерство путей сообщения СССР.

— Купе-буфеты не предусмотрены в схеме дневного поезда Ленинград — Москва,— спокойно отреагировали на мой рассказ.— Потому что вагонов с буфетами просто недостает.

— Да и спроса особого нет,— говорил позднее заместитель начальника управления Министерства путей сообщения В. С. Колпаков.— Вы первый сообщаете о неудобствах из-за отсутствия буфета.

— Напротив, надобность в таких буфетах велика,— утверждает заместитель начальника Главдорресторана Б. А. Бакланов.— Мы получаем много нареканий от пассажиров. И уже не первый год просим МПС: дайте вагоны...

Но, оказывается, маршрут Ленинград—Москва не самый обиженный. Далеко не во всех поездах, находящихся в пути даже по 10—12 часов, а то и дольше, есть вагоны-рестораны или купе-буфеты. Список таких поездов мне показали в Главдорресторане.

Вот и берутся штурмом пристанционные буфеты, и все больше пассажиров отстает от поезда: время стоянок с каждым годом сокращается, а торговля на станциях и вокзалах не перестраивается, идет в том же темпе и ритме, что двадцать лет назад.

Итак, вагонов с купе-буфетами не хватает. Как же быть? В Главдорресторане рассказали об интересном опыте: стюардессы авиалиний берут с собой сувениры, шоколад и в полете предлагают их пассажирам. Пять процентов выручки — стюардессе. И водители междугородных автобусов на некоторых маршрутах теперь захватывают с собой сигареты, минеральную воду, спички — может, кому из пассажиров потребуются в дороге.

Почему бы и проводникам не перенять хороший опыт — брать в дорогу печенье, минеральную воду, свежие бутерброды.
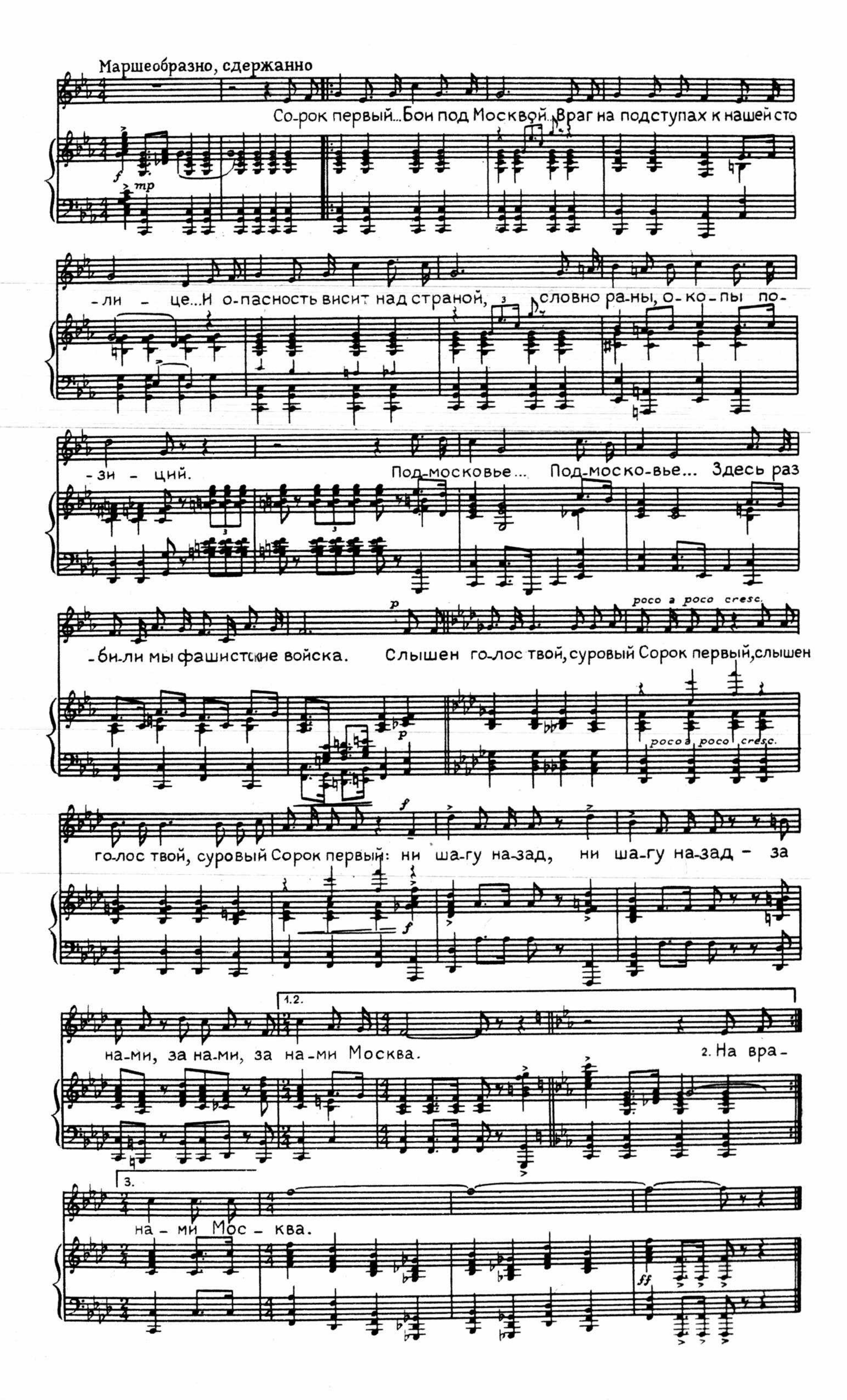
И чай! Пусть все время пофыркивает вагонный кипятильник — несложно же это.

Пока ничего подобного нет. Жаль. Вот и везут с собой пассажиры авоськи с бутербродами, с лимонадом, а то и термосами.

Самообслуживание? Только не лучшая его форма...

К. КОСТИН

СОРОК ПЕРВЫЙ... БОИ ПОД МОСКВОЙ

Слова СЕРГЕЯ БЕНКЕ. Музыка БОРИСА АЛЕКСАНДРОВА.

Сорок первый... Бои под Москвой...
Враг на подступах к нашей столице...
И опасность висит над страной,
Словно раны, окопы позиций.

Припев:

Подмосковье... Подмосковье...
Здесь разбили мы фашистские войска.
Слышен голос твой, суровый сорок первый:
Ни шагу назад,
Ни шагу назад —
За нами Москва!

На врага вся страна поднялась —
Гнев народа и сила народа,
И победы заря занялась
В декабре сорок первого года.

Припев.

Никогда не забудем с тобой
День суровой и грозной расплаты,
Ветераны Второй мировой,
Не стареют победные даты.

Припев:

Подмосковье... Подмосковье...
Здесь разбили мы фашистские войска.
Слышен голос твой, суровый сорок первый:
Ни шагу назад,
Ни шагу назад —
За нами Москва!

ПЕСНЯ У НАС В ГОСТЯХ

Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской Армии — один из самых популярных коллективов. Когда в городе появляются его афиши, билеты распродаются задолго до назначенного дня, и как бы велик ни был зал, он всегда переполнен слушателями, поклонниками замечательного искусства военных певцов и танцовщиков. Но как же быть, если зала вовсе нет или он так мал, что не может вместить всего ансамбля? Вот для этого случая существуют в коллективе «малые ансамбли», один из них недавно побывал у нас в гостях... Октет ансамбля в нынешнем году отметит свое 25-летие. В репертуаре, кроме песен, исполняющихся всем составом, есть интересные обработки народных песен, а также песни советских композиторов, написанные или специально переложенные для октета.

В «Огонек» артисты привезли новую свою работу — песню, недавно написанную Борисом Александровым, «Сорок первый... бои под Москвой» на слова поэта Сергея Бенке.

ДВЕ НАГРАДЫ

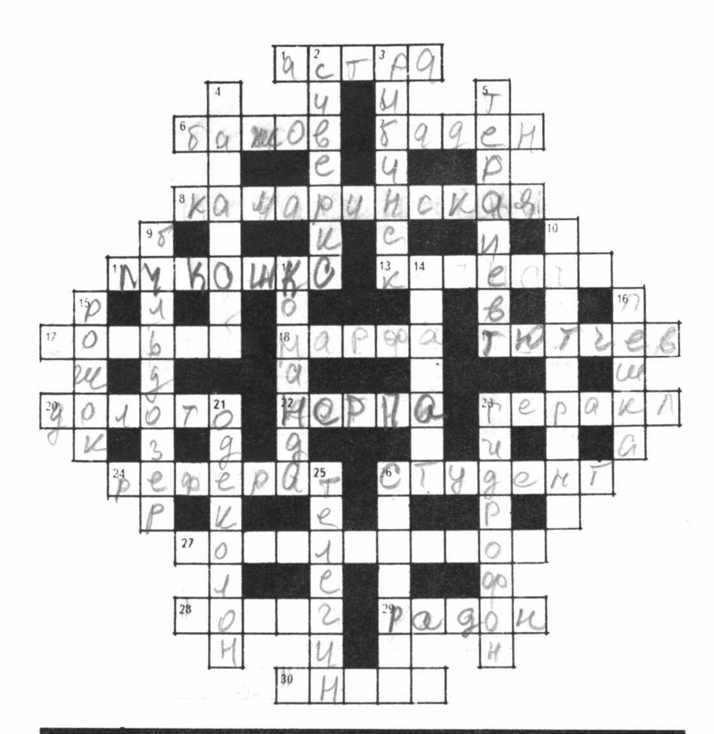
«Смерть фашизму!» — так назывался партизанский отряд, действовавший в Знаменском районе Смоленщины. В декабре 1941 года стал его бойцом 16-летний Саша Сидоров. В январе 1942 года, когда положение партизан казалось безвыходным, помощь пришла с неба: в тылу врага высадились два батальона 201-й воздушно-десантной бригады и 250-й авиадесантный полк.

Когда десантники получили затем приказ соединиться с регулярными частями Западного фронта, Саша Сидоров был послан в качестве их проводника. Юноша хорошо знал родные места. В течение пяти суток он вел десантников лесами, находил едва заметные тропинки, обходил деревни и поселки, в которых стояли немецкие гарнизоны.

Днем бойцы скрывались в лесах и большую часть пути прошли без столкновений с врагом. Но при пересечении усиленно охранявшегося Варшавского шоссе десантники были обстреляны гитлеровцами и приняли бой. Только под покровом ночи Саша Сидоров смог вновь повести группу на запад. Оклик «Кто идет?» на русском языке был для измученных людей самым долгожданным словом. Задание выполнено!

16-летний партизан-проводник Саша Сидоров получил за эту операцию первую в своей жизни правительственную награду — медаль «За отвагу». Совсем недавно, через 30 лет после тех памятных дней, Александру Дементьевичу Сидорову, ныне первому заместителю председателя Киевского райсовета депутатов трудящихся города Москвы, был вручен орден Трудового Красного Знамени.

Мих. СЕРГЕВИЧ

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Цветок. 6. Советский писатель. 7. Курорт в Швейцарии. 8. Русская плясовая песня. 11. Корзинка из лубка или прутьев. 13. Тонкая ткань. 17. Вечнозеленое дерево. 18. Действующее лицо оперы М. П. Мусоргского «Хованщина». 19. Русский поэт. 20. Столярный инструмент. 22. Ластоногое животное. 23. Герой древнегреческой мифологии. 24. Изложение сущности какого-либо вопроса. 26. Учащийся высшего учебного заведения. 27. Изобретатель авиационного ранцевого парашюта. 28. Стихотворение в прозе И. С. Тургенева. 29. Химический элемент. 30. Отрицательно заряженный ион.

По вертикали: 2. Картина И. С. Остроухова. 3. Город в Ярославской области. 4. Незамкнутая кривая. 5. Специалист по внутренним болезням. 9. Землеройная машина. 10. Игра. 12. Экипаж судна. 14. Травянистое растение. 15. Охотничья дудочка. 16. Шахматная фигура. 21. Парфюмерное изделие. 23. Приемник подводных звуков. 25. Персонаж трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам». 26. Разменная монета ряда стран.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали: 5. «Огородник». 8. Опока. 9. Мичурин. 10. Реактив. 12. Колас. 16. Токката. 18. Грамота. 20. «Отверженные». 23. Цельсий. 25. Стадион. 27. Банан. 29. Комитас. 30. Гондола. 31. Саксе. 32. Коломбина.

По вертикали: 1. Коверкот. 2. Колонок. 3. Антарес. 4. Скафандр. 6. Клиника. 7. «Свисток». 11. Ступица. 13. Окарина. 14. Алгебра. 15. Картинг. 17. Анонс. 19. Арена. 21. Глюкоза. 22. Биатлон. 24. Инстинкт. 26. Тринидад. 27. Буссоль. 28. Нигерия.

На первой странице обложки: Только что закончился лыжный переход. Старшина роты гвардии прапорщик Виктор Дмитриев с молодыми гвардейцами.

На последней странице обложки: На миниатюр-полигоне Военной ордена Ленина артиллерийской краснознаменной академии имени М. И. Калинина.

Фото Г. Макарова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 31/I-72 г. А 00626 Подп. к печ. 15/II-72 г. Формат бумаги 70 × 108$^{1}/_{8}$. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 443 Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2480.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

А. КУЛЕШОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Телефото ТАСС.

Итак, XI зимние Олимпийские игры закончились. Гостеприимный Саппоро, на 11 дней распахнувший свои голубые объятия перед спортсменами 35 стран, стал воспоминанием, ушел в историю. Яркой вспышкой под гулкими сводами закрытого катка Маконамаи прозвучала церемония закрытия с ее фанфарами, пестрыми знаменами, радостными улыбками. Но еще долго тренеры, спортсмены, журналисты будут анализировать итоги Олимпийских игр.

Они очень радостны для нас, эти итоги. Советская команда завоевала 8 золотых медалей, 5 серебряных и 3 бронзовых, набрала в неофициальном командном зачете 120 очков и завоевала первенство, оставив на втором месте спортсменов ГДР, а на третьем — норвежцев.

Для наших друзей, спортсменов ГДР, это большой успех, они выступили прекрасно, особенно если учесть, что их лыжная команда осталась без лидера — заболел гроза скандинавских гонщиков Герхард Гриммер.

Если второе место лыжников, саночников, конькобежцев ГДР явилось большой командной неожиданностью, то победу польского спортсмена Войцеха Фортуны на большом трамплине можно считать самой большой индивидуальной неожиданностью олимпиады, такой же, как победа на большом трамплине в Гренобле Владимира Белоусова.

Фортуна — это имя древнеримской богини счастья. Но, рассказывая о победе Войцеха Фортуны, смешно говорить об удаче. Совершить прыжок на 111 метров может не счастливчик, а полновластный хозяин 90-метрового трамплина.

А на лыжне в последний день олимпиады полновластным хозяином себя окончательно зарекомендовал наш Вячеслав Веденин. Он ушел на последний этап эстафеты спустя одну минуту три секунды после норвежца, что по всем лыжным законам равносильно поражению, а финишировал первым, завоевав, может быть, самую сенсационную золотую медаль олимпиады для себя и своих товарищей.

Хочу лишь добавить к рассказу о Веденине оценку, которую высказал в его адрес в беседе со мной прославленный финский ас, многократный олимпийский чемпион Мянтюранта. На своей последней олимпиаде он выступил неудачно, заняв 19-е место на 30 километров и сойдя с дистанции на 50 километров (Мянтюранта рассказал, что после Гренобля он покинул спорт, но перед Саппоро врачи упросили его участвовать в XI Олимпийских играх, так как хотели проверить возможности спортсмена высшего класса, вернувшегося после долгого перерыва на лыжню).

— Веденин — первоклассный чемпион,— сказал Мянтюранта.— Ваши лыжники на подъеме. Для них возвращаются времена Кузина.

Вообще последний день Олимпийских игр журналисты назвали Русским днем. Ведь, кроме золотой медали наших гонщиков, еще одну золотую медаль — да какую! — завоевали наши хоккеисты. Их решающая встреча с таким грозным соперником, как сборная команда Чехословакии, прошла при полном их преимуществе, о чем убедительно говорит счет матча — 5 : 2.

На XI Белой олимпиаде прозвучали имена, которые навсегда останутся в истории мирового спорта. Если вспоминать эти имена, то прежде всего нужно назвать два: голландского скорохода Арда Схенка и советской лыжницы Галины Кулаковой, завоевавших по три золотые медали. Мне довелось побеседовать с ними.

Ард Схенк, веселый, любящий жизнь человек, был вначале неуловим для журналистов — он праздновал победу, но, когда я наконец поймал его, он вежливо и охотно отвечал на вопросы. Нет, коньки бросать не собираюсь. Наоборот, в этом сезоне думаю выступить на всех четырех дистанциях и мечтаю через четыре года приехать на Белую олимпиаду в Денвер.

Я сообщаю Арду Схенку, что представляю журнал «Огонек», и объясняю ему, что это значит. Схенк смеется: «Огонек — это важно, это то, без чего спортсмен не может победить».

Такой огонек ярко горит в душе Галины Кулаковой. Журналисты назвали ее уральским чудом. После ее первого блистательного финиша корреспонденты забросали ее сотнями вопросов. Мне хочется привести лишь два.

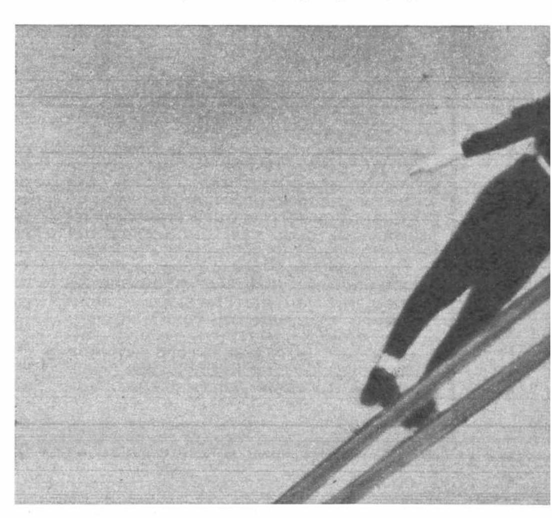
«Кого вы боялись больше всего на дистанции?» — спросил японский журналист. «Не боялась, а опасалась,— поправила Кулакова.— Больше всех я опасалась Марьяту Кайосмаа». «А из своих?» — не отставал журналист. «Своих? — переспросила Кулакова.— Никого. Не все ли равно, у кого из наших будет больше медалей...»

...Олимпийская лестница! Бесконечные ступени, идущие все вверх и вверх. Вот уже почти пять десятилетий поднимаются по ним лучшие лыжники, конькобежцы, хоккеисты, фигуристы мира. Вот и одиннадцатая ступенька позади. Впереди двенадцатая — зимняя олимпиада в Денвере. Но это через четыре года, а сегодня мы празднуем нашу победу в Саппоро.

Саппоро, по телефону.

Алевтина Олюнина посылает на последний этап эстафеты Галину Кулакову.

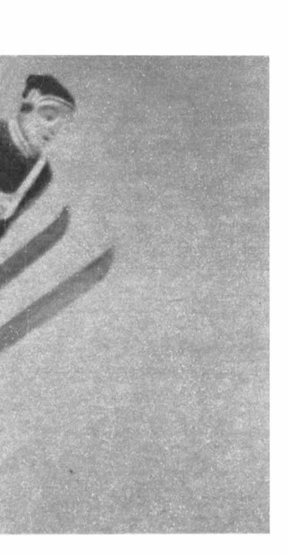
Прыгает Войцех Фортуна (Польша).

Победители — советские биатлонисты. Иван Бяков передает эстафету Виктору Маматову.

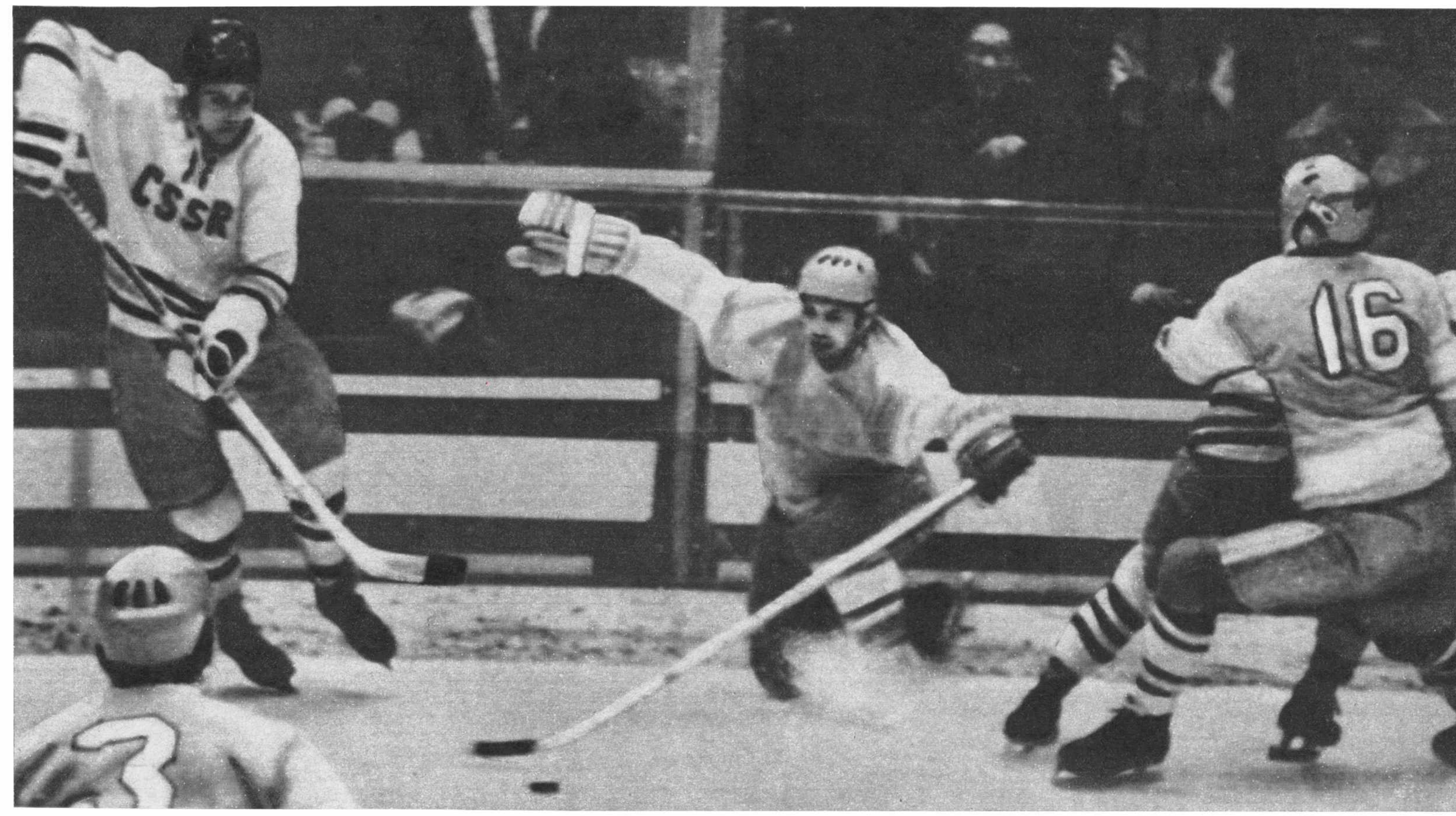
8 ЧЕМПИОНСКИХ, 8 П

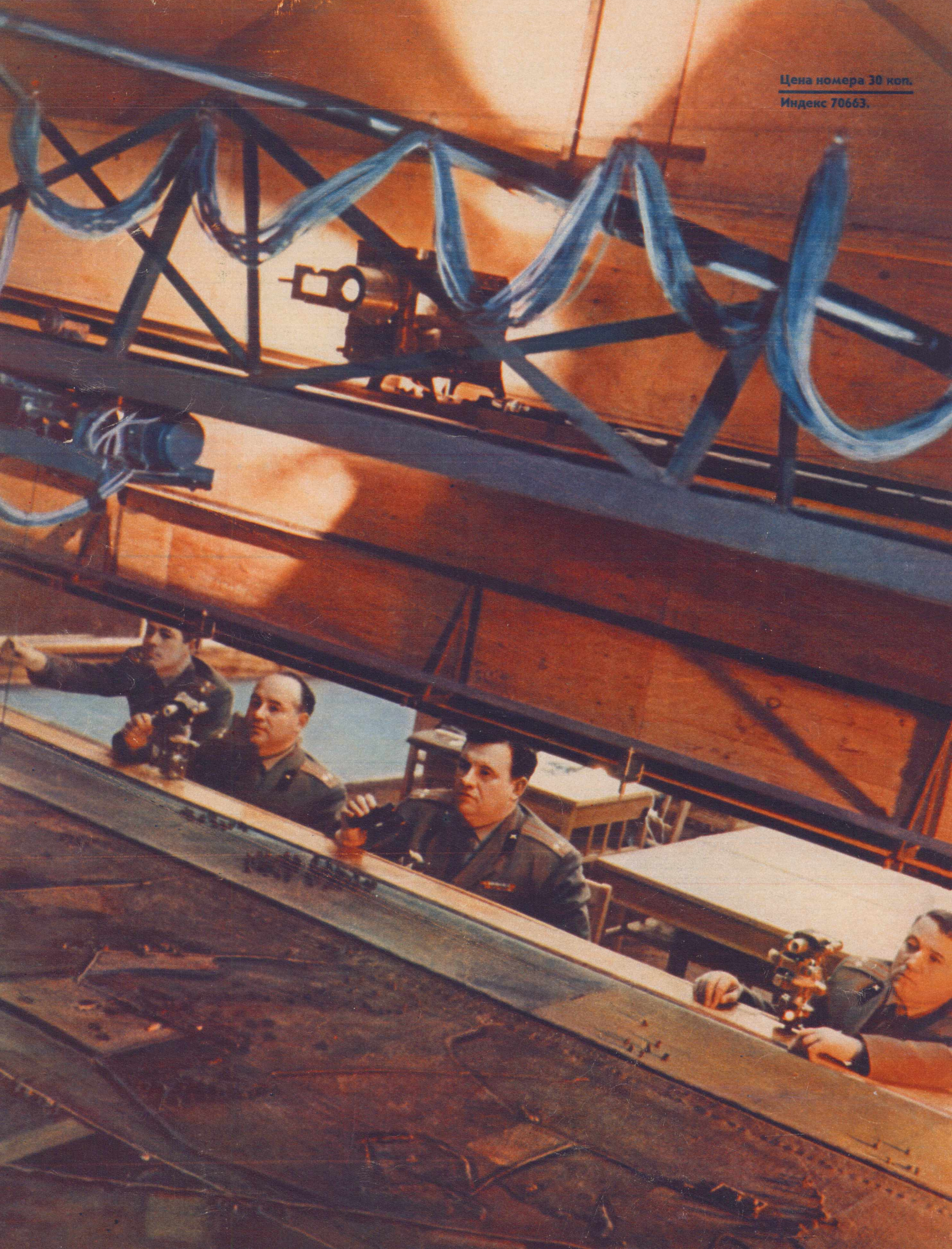

Две золотые медали под занавес: Юрий Скобов, Владимир Воронков, Федор Симашев и Вячеслав Веденин, победили в лыжной эстафете 4×10 километров. Хоккеисты СССР выиграли у сборной команды Чехословакии.

ризовых–ПОБЕДА!

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.